

Этого
нельзя
забывать

В.МИШКЕ

В. Мишке
ЭТОГО НЕЛЬЗЯ ЗАБЫВАТЬ

**Как латышская националистическая буржуазия
предавала родину и народ в 1917—1919 годах**

В. МИШКЕ

ЭТОГО
НЕЛЬЗЯ
ЗАБЫВАТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛИЕСМА» РИГА 1968

9(L)
M 712

Перевод С. Леви

1-6-4
1968-85

Трудящиеся Латвийской Советской Социалистической Республики широко отмечают пятидесятиую годовщину со дня установления Советской власти в Латвии в 1919 году.

Вместе со всеми трудящимися России руководимые ленинской партией рабочие, безземельные и беднейшие крестьяне Латвии в дни Великого Октября впервые в истории порвали цепи капиталистического рабства. В октябре 1917 года трудящимся Латвии удалось установить Советскую власть лишь в не оккупированной германскими войсками части Видземе и в Латгалии, в 1919 году знамя Советов развевалось почти над всей территорией Латвии.

Мало, очень мало осталось среди нас участников и очевидцев этих славных боев. Со времени исторических дней Великого Октября прошло полвека, и молодому поколению события тех лет известны только из книг. А между тем всемирно-историческое значение октябрьских дней с каждым годом и десятилетием возрастает и становится все более явственным.

В условиях, когда происходит острая и непримиримая борьба между буржуазной и социалистической идеологией, фальсификация истории Октябрьской революции стала одной из главных задач идеологической диверсии империалистов.

Этим грязным делом заняты и послушные прислужники империалистов — латышские буржуазные националисты, которые со своих эмигрантских задворков верещат о так называемой «независимой» Латвии и, искажая историческую действительность, сеют ложь об обстоятельствах установления Советской власти в Латвии.

О том, что в 1917—1919 годах делали презренные людишки, которые сейчас в эмиграции не устают изливать на нас потоки грязи, о том, кому они служили тогда и как они торговали своей родиной и предавали империалистическим поработителям национальные интересы латышского народа, рассказывается в этом очерке, причем рассказывается прежде всего на основе хранящихся в архивах и библиотеках Латвийской ССР документов, вышедших из-под пера самих буржуазных националистов.

Автор написал эту книжку для советской молодежи, и его сокровенное желание — чтобы молодые строители коммунизма глубже разобрались в том, кто истинные друзья латышского народа и кто — его враги.

Автор

ПОРЫВЫ ОКТЯБРЬСКОЙ БУРИ

Пятьдесят лет назад мир потрясла весть, что в России рабочие и крестьяне, руководимые партией большевиков во главе с ее прозорливым вождем Лениным, свергли господство капиталистов и помещиков, взяли государственную власть в свои руки и создали первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян.

Мы можем гордиться, и мы гордимся тем, что трудящимся нашей страны первым в истории удалось прорвать цепь империализма и начать строительство Советского государства, открыть новую эру во всемирной истории, эру господства рабочего класса, идущего навстречу освобождению человечества от капиталистического рабства и национального угнетения, от грабительских империалистических войн.

В свете опыта полувековой борьбы теперь ясно видно, что победа Октября явилась основой, на которой широко развернулось международное коммунистическое и национально-освободительное движение. Великий Октябрь подобно могучему паводку прорвал плотину старого мира и бурля понесся по всему земному шару.

Одной из характернейших особенностей Октябрьской революции является то, что эта революция

победила под знаменем дружбы народов и интернационализма. Ею руководила партия большевиков — партия последовательных интернационалистов, объединившая в своих рядах наиболее сознательных трудящихся всех народов нашей страны.

Значительный вклад в завоевание победы Октября внесли рабочие, безземельные и беднейшие крестьяне Латвии, особенно красные латышские стрелки.

Советы депутатов рабочих и безземельных в неоккупированной части Латвии, равно как и латышские стрелковые полки, вскоре после победы Февральской революции встали под знамя партии Ленина и шли под ним в бой в исторические дни Октября.

Точно так же и те большевики Латвии, латышские рабочие и безземельные, которых первая мировая война разбросала по многим областям России, сражались плечом к плечу в братском единении вместе с рабочими Петрограда, Москвы, Харькова, Ростова-на-Дону и других городов.

В период подготовки и осуществления Октябрьской революции латышские рабочие, безземельные и стрелки, боровшиеся в неоккупированной части Латвии под руководством Социал-демократии Латвии, поддерживали теснейшие связи с революционными центрами России, особенно с колыбелью революции — Петроградом. Они понимали, что сумеют сбросить иго немецких помещиков и освободиться от капиталистической эксплуатации лишь в том случае, если — руководимые партией Ленина — будут бороться рука об руку с пролетариатом всей России.

В дни, когда весь мир потрясли порывы октябрьской бури, Латвия была расколота на две части. Вся Курляндская губерния (Курземе), а также часть

Лифляндской губернии (Видземе) находились под властью оккупантов — войск кайзеровской Германии. Поэтому в борьбе за победу Октября могли активно участвовать лишь трудящиеся неоккупированной части Латвии, а также рабочие, безземельные и беднейшие крестьяне Латвии, эвакуировавшиеся в годы первой мировой войны в центральные районы России.

Это обстоятельство привело к тому, что борьба за победу социалистической революции в Латвии затянулась и только в 1919 году, после изгнания немецких оккупантов из Латвии, почти на всей ее территории установилась Советская власть.

В Латвии 1919 год был прямым продолжением революционных событий 1917 года.

В период подготовки и проведения Октября, благодаря правильной стратегии и тактике большевистской партии, благодаря ее широкой разъяснительной работе, латышская буржуазия оказалась разоблаченной и изолированной от народных масс.

Порывы октябрьской бури, метившей в самые основы капиталистического строя, внушали буржуазии России ужас. Смертельный страх охватил и латышскую буржуазию — фабрикантов, банковских дельцов, крупных домовладельцев, зажиточных сельских хозяев-кулаков.

Империалисты всего мира опасались, что в существовании Советской власти в России трудящиеся других стран увидят пример для подражания. Они боялись, говорил Ленин, «как бы искры нашего пожара не перепали на их крыши» (Полное собр. соч., т. 35, стр. 324).

Основываясь на всем опыте истории капиталистических стран, Ленин писал: «... когда... дело

доходит до частной собственности капиталистов и помещиков, они забывают все свои фразы о любви к отечеству и независимости... когда дело касается до классовых прибылей, буржуазия продает родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими угодно чужеземцами. Эту истину история русской революции показала еще и еще раз после того, как больше сотни лет история революции показывала нам, что таков закон классовых интересов, классовой политики буржуазии во все времена и во всех странах» (Полное собр. соч., т. 37, стр. 10).

В период великих исторических битв 1917—1919 годов латышская буржуазия также доказала готовность предать родину и народ, совершить любое преступление, лишь бы удержать свою собственность и сохранить возможность эксплуатировать трудящихся.

Ниже мы расскажем о том, как в 1917—1919 годах латышская буржуазия в страхе перед социалистической революцией продавала свою родину и латышский народ его злейшим врагам — немецким оккупантам и английским, французским и американским империалистам.

СМЕРТЕЛЬНЫЕ ВРАГИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Курс большевистской партии на социалистическую революцию, после победы Февральской буржуазно-демократической революции намеченный Лениным в Апрельских тезисах, а также революционизирова-

ние трудящихся масс и их сплочение под знаменем партии большевиков *чрезвычайно встревожили и испугали буржуазию не только России, но и всего мира.*

В крайней спешке к мобилизации своих сил для борьбы против надвигающейся социалистической революции приступила и латышская контрреволюционная буржуазия в неоккупированной части Латвии.

В первую очередь она принялась за организацию своих политических партий. Сельская буржуазия основала Крестьянский союз, городская буржуазия — Демократическую партию. Создавались и другие буржуазные партии. Уже в июне 1917 года в Риге состоялась конференция Демократической партии, а в июле в Валке — съезд Крестьянского союза. После Февральской революции буржуазия оказалась организованной лучше пролетариата, она стремилась встать во главе национально-освободительного движения, чтобы увести его с пути революционной борьбы и использовать в своих классовых интересах.

Латышская буржуазия пыталась присвоить себе право представительства всего народа. В этих целях она созвала 12 марта Южнолифляндское (Видземское) земское собрание, в котором приняли участие представители городской и сельской буржуазии, а также собственники имений — немецкие бароны. Собрание избрало так называемый Видземский временный земский совет. Этот совет, отметил в своей резолюции состоявшийся в Валмиере съезд рабочих и безземельных Латвии, являлся «организацией только имущих сельских классов». 25 апреля представители буржуазии — депутаты Государственной думы Я. Голдман и Я. Залит — созвали в Юрьеве (Тарту) Курземское земское собрание, избравшее Курземский временный

земский совет, который избрал главаря латышских буржуазных националистов Я. Чаксте курляндским губернским комиссаром. Но Курземское собрание было лишено всякого значения, так как Курляндская губерния была оккупирована армией германского кайзера. На состоявшихся летом выборах городских и сельских самоуправлений представители буржуазии всюду оказались в меньшинстве.

Проведению в жизнь решений Рижского Совета рабочих депутатов в конце марта пытался воспрепятствовать назначенный буржуазным Временным правительством лифляндский губернский комиссар, представитель самых реакционных кругов латышской буржуазии А. Красткалн. Он заявил, что не признает решения Рижского Совета рабочих депутатов, требовавшего разгона старой, черносотенной Рижской городской думы и создания выборной милиции. Совет 10 апреля отдал распоряжение арестовать А. Красткална и выслать его в Петроград, где находилось буржуазное Временное правительство.

Большое смятение вызвали в буржуазных кругах резолюции съезда рабочих и безземельных Латвии, призвавшего организовать во всех волостях Советы безземельных, ввести для рабочих 8-часовой рабочий день и «конфисковать все частные и церковные имения без вознаграждения».

Как удар молнии, как гром с ясного неба прозвучала для буржуазии *большевистская резолюция, принятая 17 мая II съездом латышских стрелков*. Шум, паника поднялись невообразимые. Орган Крестьянского союза газета «Лидумс» опубликовала клеветнические статьи Я. Голдмана и Я. Залита, направленные против революционных стрелков и вождя

большевистской партии Ленина и призывавшие буржуазное Временное правительство послать в Латвию карательные экспедиции. Буржуазная газета «Балтияс вестнесис» выступила с угрозой умерить стрелков голодом. Я. Голдман потребовал разоружения и расформирования латышских стрелковых полков.

В ответ на измышления Я. Голдмана и Я. Залита стрелки 3-й роты 4-го Видземского латышского стрелкового полка объявили в своей резолюции: «За ваши интересы латышские стрелки кровь свою проливать больше не будут ... Голдманам и Залитам дорогá не революция, а усадьбы на берегах Даугавы и теплые местечки в Государственной думе». А контрольная комиссия 5-го Земгальского стрелкового полка гордо заявила кулакам из Лубанского молочнохозяйственного союза, попытавшимся подкупить 100 фунтами масла стрелков 5-го полка, которые голосовали против резолюции от 17 мая: «Мы, голосовавшие за резолюцию от 17 мая, еще туже стянем пояса и пойдем под резолюцией от 17 мая с чистой совестью за нашу правду, но не дадим купить себя за фунты масла».

Под буржуазную дудку плясали лидеры меньшевиков Ф. Мендер и М. Скуениек, являвшиеся в то время членами редакции газеты стрелков «Бривайс стрелниекс», поэтому после 17 мая было решено изгнать их оттуда.

На попытки буржуазии встать поперек пути революции трудящиеся массы Латвии ответили *бойкотом буржуазной печати*. Рижский комитет Социал-демократии Латвии принял по этому поводу специальную резолюцию. Первыми в кампанию бойкота включились стрелки 6-го Тукумского латышского полка.

В период с мая по июль к ним присоединились остальные полки латышских стрелков, а также широкие массы рабочих и безземельных.

Проведенные летом 1917 года *выборы городских и сельских самоуправлений* показали, что буржуазия во все большей степени утрачивает свое влияние на трудящихся Латвии и что рабочие, безземельные и беднейшие крестьяне в своем большинстве уже сплотились вокруг знамени большевистской партии.

Потеряв почву под ногами, оказавшись изолированной от народных масс, латышская буржуазия вместе с контрреволюционной буржуазией России стала осуществлять саботаж, закрывать свои предприятия, делать все для углубления продовольственного кризиса, чтобы «костлявой рукой голода» задушить революцию.

Буржуазия начала все определеннее ориентироваться на иностранных империалистов, надеясь получить от них помощь для борьбы против надвигающейся в России социалистической революции. Центральный Комитет большевистской партии в манифесте, опубликованном им 12 августа 1917 года от имени VI съезда партии, указал, что американские миллиардеры, «наполнившие свои погреба золотом, перечеканным из крови умирающих на полях опустошенной Европы», стремятся разгромить своего противника в империалистической мировой войне — кайзеровскую Германию, чтобы «затянуть потуже удавную петлю на шее русской революции».

Латышская контрреволюционная буржуазия, не будучи в состоянии использовать в своих классовых интересах латышские стрелковые полки, *принялась за создание военных организаций*, например «Нацио-

нального союза латышских воинов», объединившего контрреволюционное офицерство.

В начале октября 1917 года, когда в двери уже стучалась социалистическая революция, представители буржуазии в неоккупированной части Латвии *прибегли к бойкоту избранных демократическим путем органов самоуправления*. В этих органах большинство принадлежало защитникам интересов трудящихся, придерживающимся указаний Социал-демократии Латвии. Представителям буржуазии стало ясно, что им не удастся использовать органы самоуправления в интересах буржуазии, и 9 октября они вышли из состава Видземского земского совета, а затем и уездных земских советов. «Не удалось нашим господам, — писала 18 октября газета революционных латышских стрелков «Латвю стрелникс», — проводить в земском совете свою, враждебную трудящимся политику, — поэтому они ушли».

Отказываясь от участия своих представителей в работе избранных демократическим путем органов самоуправления, латышская контрреволюционная буржуазия, коварно прикрываясь маской «единства» и «всенародных интересов», в то же время созвала 1 октября 1917 года совещание в Петрограде в целях создания своего классового органа для борьбы против социалистической революции. Петроградское совещание подверглось бойкоту со стороны всех организаций трудящихся в неоккупированной части Латвии, за которыми шли рабочие, безземельные, беднейшие крестьяне и середняки, т. е. огромное большинство народа, тогда как кучку эксплуататоров поддерживало не более 10 процентов населения.

Центральный Комитет СДЛ в своем заявлении

указал, что созванное Goldmanом, Залитом и компанией совещание в Петрограде является «грубой фальшивкой» и что ЦК СДЛ будет бойкотировать всякий «орган», который это совещание «от имени народа» попытается создать. Правление Видземского земского совета заявило, что шовинистической политике буржуазии оно противопоставит пролетарский интернационализм, а Исполнительный комитет Объединенного Совета депутатов латышских стрелковых полков (Исколастрел) предупредил контрреволюционеров, что «латышские стрелки всеми силами постараются не допустить основания такого «латышского центрального органа».

Социалистическая революция в неоккупированной части Латвии неотвратимо нарастала. Борясь за победу революции, трудящиеся Латвии постоянно поддерживали самые тесные связи с революционными центрами России, особенно Петроградом — колыбелью революции.

После состоявшегося 10 октября в Петрограде исторического заседания Центрального Комитета партии большевиков, принявшего предложенную Лениным резолюцию о необходимости немедленной подготовки вооруженного восстания, 16 октября в Валке была созвана *чрезвычайная конференция Социал-демократии Латвии*. На ней подчеркивалось, что «готовясь к предстоящим боям, пролетариат Латвии должен поддерживать самое тесное единство с рабочими революционного Петрограда и Москвы, ставя перед собой задачу во всем, всеми силами и средствами поддерживать борьбу российского пролетариата за государственную власть».

В дни победы Октябрьской революции латышская

буржуазия была полностью изолирована от народных масс. Весьма убедительным свидетельством этого явились выборы в *Учредительное собрание*, состоявшиеся в середине ноября. В неоккупированной части Латвии за кандидатов СДЛ отдали свои голоса 72 процента избирателей, а в латышских стрелковых полках — 96,5 процента, т. е. почти все стрелки. Из четырех предназначенных для Латвии мандатов в Учредительное собрание СДЛ получила три. Депутатами Учредительного собрания были избраны Петр Стучка, Фрицис Розинь и Ян Берзинь-Зиемелис. Буржуазия (Крестьянский союз) получила всего один мандат, а агентура буржуазии в рабочем движении Латвии — латышские меньшевики — ни одного.

Великая Октябрьская социалистическая революция, одержавшая победу под руководством гениального стратега революции Ленина, уничтожила капиталистическую эксплуатацию в нашей стране, освободила народы России от национального угнетения, предоставила им равные права и возможность свободного развития. В изданном Советским правительством особом постановлении, известном как «Декларация прав народов России», было определено, что свободное развитие и равноправие народов России являются законом.

Октябрьская революция открыла широкие перспективы развития и для угнетенного латышского народа, хотя значительная часть его в то время еще находилась под пятой немецких оккупантов и Советская власть в Латвии просуществовала тогда недолго.

Совет рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии в своей резолюции, принятой в Валке

в начале ноября 1917 года, заявил, что «шлет товарищеский привет революционному правительству Советов, Народным Комиссарам и Центральному Исполнительному Комитету Советов и обещает всеми силами и средствами поддерживать их в великой борьбе». Совет объявил, что вся власть в неоккупированной части Латвии переходит к Советам рабочих, солдатских и безземельных депутатов, и провозгласил себя высшим органом власти в Латвии. Исполнительный Комитет Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии (Исколат) фактически явился первым Советским правительством Латвии. Его председателем был один из основателей Коммунистической партии Латвии Фрицис Розинь.

Победа Октябрьской революции и установление Советской власти в неоккупированной части Латвии вселили панический ужас в сердца латышской контрреволюционной буржуазии. Для борьбы с Советской властью она поспешила создать свой контрреволюционный орган. Поэтому 16 ноября 1917 года представители латышской буржуазии, собравшись в Валке, объявили себя *Латышским временным национальным советом*, который с самого начала стал усердно искать поддержки у английских, французских и американских империалистов.

Буржуазная, а также меньшевистская и эсеровская печать развернула кампанию лжи против органов власти рабочих и крестьян — Советов. Поэтому 4 декабря Исколат постановил закрыть орган контрреволюционного офицерского «Национального союза латышских воинов» газету «Лайка вестис» (которую революционные латышские стрелки прозвали «Лайка везис» — «Раком времени», пятящимся назад). Не-

сколько позже была закрыта и газета меньшевиков «Страдниеку авизе».

В начале декабря 1917 года Исколат издал постановление о ликвидации Латышского временного национального совета. В постановлении указывалось, что этот совет не является выборным учреждением и состоит из представителей классов, ставящих своей целью «объединить все контрреволюционные и националистически-шовинистические элементы, которые были бы готовы при всяком удобном случае открыто выступить против Советской власти», в связи с чем этот совет «должен быть немедленно разогнан».

В неоккупированной части Латвии началось строительство новой жизни в интересах трудящихся. Были ликвидированы все сформированные буржуазным Временным правительством учреждения, создана вооруженная сила рабочего класса — Красная гвардия. Помещичьи имения были конфискованы, в них создавались государственные хозяйства. Осуществлялась подготовка к национализации промышленных и торговых предприятий, средств сообщения, крупных домовладений. В связи с нехваткой продовольствия был введен строжайший учет сельскохозяйственных продуктов и организован контроль над их распределением. Правительство Советской России оказывало Советской Латвии братскую помощь денежными средствами и продовольствием. Началась разработка новых учебных программ для школ.

Однако Советская власть в неоккупированной части Латвии просуществовала лишь три месяца. Воспользовавшись авантюристической, предательской политикой, которую проводил на мирных переговорах в Брест-Литовске Троцкий, вопреки указаниям Ленина

отказавшийся принять ультиматум германских империалистов, армия кайзеровской Германии перешла в наступление по всему фронту. Во второй половине февраля 1918 года Советская власть в Латвии пала, и вся территория Латвии оказалась временно оккупированной.

СТРЕМЛЕНИЕ ОТОРВАТЬ ЛАТВИЮ ОТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ

Осенью 1917 года взгляды латышских буржуазных националистов по вопросу о будущем Латвии коренным образом изменились. Что произошло?

Со времени зарождения рабочего движения в Латвии революционный латышский пролетариат в тесном содружестве с русским пролетариатом вел борьбу против угнетателя народов России — царского самодержавия. В период первой русской революции латышский пролетариат находился в первых рядах борцов. Пролитой в январе 1905 года в Петербурге и Риге горячей рабочей кровью был навеки скреплен боевой союз русского и латышского пролетариата.

Что в дни революции делала латышская буржуазия — и реакционная, и либеральная? Боролась ли она против палача латышского народа — царизма? Нет, она шла вместе с царским правительством против народа — даже тогда, когда в 1906 году присланные царем карательные экспедиции во всех волостях Латвии пороли, расстреливали и вешали борцов за свободу латышского народа. Ф. Вейнберг на страницах черносотенной «Ригас авизе» предупреждал рево-

люционеров, чтобы они «воздерживались от лихих действий», а листок латышской либеральной буржуазии — конституционных демократов (кадетов) «Латвия», рукоплещая карателям, удовлетворенно заявлял: «Вздохнем же свободнее и протянем руку тем, кто охраняет нашу свободу на основе закона». Елгавского адвоката Я. Чаксте, будущего президента буржуазной Латвии, который во время разгула карательных экспедиций пользовался тяжелым положением революционеров, для того чтобы вымогать у них последний рубль за «юридическую помощь», центральный орган Латышской социал-демократической рабочей партии «Циня» 7 марта 1906 года метко назвал гиеной.

В годы реакции, наступившей после подавления революции 1905—1907 годов, латышские буржуазные газеты восхваляли палача революции Столыпина, покрывшего всю Россию, в том числе и Латвию, виселицами.

Латышскую буржуазию, представителей всех политических направлений в ее среде, целиком и полностью удовлетворяло царское самодержавие России, защищавшее буржуазию от борцов за свободу и обеспечивавшее банковским дельцам, крупным домовладельцам, кулакам и прочим эксплуататорам трудящихся владение богатствами, созданными потом и кровью народа.

Посмотрим, что писали по этому поводу латышские буржуазные газеты в период между революциями — с 1907 по 1917 год.

В 1908 году в газете «Балтияс вестнесис» говорилось следующее: «Нам всеми силами нужно добиваться того, чтобы мы могли оставаться под властью

этого большого и могучего государства», т. е. царской России.

Когда в июле 1914 года началась первая мировая война, империалистическая по своему характеру, латышская буржуазия сочла целесообразным еще раз заверить царское самодержавие в своей преданности. 26 июля на трибуну IV Государственной думы поднялся представитель латышского кулачества Я. Голдман. Расшаркиваясь перед самодержавием, он заявил, что среди латышей (читай: латышской буржуазии) «нет ни единого человека, который не сознавал бы, что все, чего мы достигли, достигнуто исключительно лишь под эгидой русского орла и что все, чего мы, латыши, еще сумеем достигнуть, сможет быть осуществлено только тогда, если прибалтийские провинции и впредь останутся неотъемлемой частью России».

Подобные взгляды в то время выражала вся латышская буржуазная печать, в первую очередь газеты «Дзимтенес вестнесис», «Яунайс вардс» и «Яуна диенас лапа».

В номере «Дзимтенес вестнесис» от 12 февраля 1915 года елгавский адвокат А. Стерсте писал, что он дожил среди латышей до седых волос и знает как правых, так и центристов, а также левых, но никогда не слыхивал ни от кого «и полуслова о создании какого-то там латышского государства, да и в печати не находил ни малейшего намека на это». В заключение своей статьи А. Стерсте восклицал: «Нельзя будет не признать полоумным всякого латыша, которому пришло бы в голову основывать какое-то самостоятельное латышское государство, будь то Латвия «малая» или «великая».

Оправдывая тогдашние взгляды латышских буржуазных националистов, писатель Лиготню Екабс в 1925 году в своих мемуарах «Образование Латвийского государства» («Latvijas valsts dibināšana», стр. 10) разъяснял, что латышская буржуазия лишь с помощью царского правительства надеялась освободиться от экономической и политической власти немецкого дворянства, добиться самоуправления, а также самоопределения в области культуры.

Вопрос ясен: до тех пор, пока в России существовало царское самодержавие, латышская националистическая буржуазия решительно высказывалась за то, чтобы Латвия оставалась в пределах царской России, была против отделения Латвии от России.

В феврале 1917 года в России победила буржуазно-демократическая революция. Крылья двуглавого орла царской России не могли большое служить прикрытием. Как складывалось теперь положение? Хотя царское самодержавие и пало, тем не менее в России сохранился капиталистический строй. Частная собственность на средства производства не была отменена, буржуазия сохранила свое имущество, хотя ее эксплуататорские устремления и были несколько ограничены. Рядом с буржуазной властью — Временным правительством — возникла революционно-демократическая власть — Советы рабочих, солдатских и крестьянских (в Латвии — безземельных) депутатов. Это свидетельствовало о том, что революция продолжается и в ходе своего развития может обратиться против самих основ капиталистического строя.

Все же после победы Февральской революции подавляющее большинство главарей латышской буржу-

азии, находившихся как в неоккупированной части Латвии, так и в городах внутренних районов России, не выдвинуло сразу лозунга об отделении Латвии от революционно-демократической России. Они выступили с разного рода *проектами автономии Латвии*, в которые, правда, вкладывали различное содержание, но, по-прежнему исходя из того, что Латвия является составной частью России, не требовали ее отделения от России. Члены Государственной думы Я. Голдман и Я. Залит, столь усердно трезвонившие впоследствии о «независимой Латвии», в обращении «Латыши!» высказались за объединение населенных латышами территорий на основе широкой автономии в пределах России. «Этого требования, — писали они в газете «Лидумс» 12 марта 1917 года, — мы придерживались при старом строе, и оно остается нашей дальнейшей задачей. Пусть здравствует свободная Латвия в великой России». Эту же точку зрения Я. Залит выражал на московском Государственном совещании в середине августа 1917 года. Ему вторил в сентябре в своей речи на съезде народов России в Киеве будущий министр иностранных дел буржуазной Латвии З. Мейеровиц: «Целью латышей является объединенная, неделимая, политически автономная Латвия в Российской республике» («Лидумс», 24 сентября). Мейеровиц отстаивал данную точку зрения еще в октябре на собрании организационной комиссии Латышского временного национального совета, отмечая, что таковы взгляды Крестьянского союза и что так думает и его лидер К. Ульманис (P. Zālīte. *Kā Latvija tapa*. Рига, 1928, стр. 54).

После победы Февральской революции, хотя и негромко, начали звучать также другие голоса. Страх

заставлял лидеров латышской буржуазии менять свои взгляды и все чаще и определеннее обращать взоры в сторону империалистического Запада. Буржуазное Временное правительство в накаленной революционной атмосфере России не могло рассматриваться как очень уж надежный защитник интересов латышской буржуазии.

В июле состоялся съезд политической партии латышской сельской буржуазии — Крестьянского союза. В его резолюции, напечатанной в номере газеты «Балтияс вестнесис» от 31 июля, между прочим, говорилось, что надо заблаговременно (пока не поздно!) искать связей с зарубежной «демократией», т. е. с иностранными империалистами. Примерно в это же время появилась брошюра М. Валтера (впоследствии министра внутренних дел в буржуазном правительстве) «Автономия Латвии» («Latvijas autonomija»), в которой утверждалось, что понятие «автономия» уже не совсем правильно выражает планы Латвии на будущее и что латышскому народу «должно быть предоставлено право самому принимать решения о своем строе, независимо от других частей России» (стр. 5).

В начале осени 1917 года газета союза контрреволюционных латышских офицеров «Лайка вестис» в номере от 14 сентября заговорила о «необходимости новой ориентации».

После победы Октябрьской революции латышские буржуазные националисты окончательно решились на отделение Латвии от России, поскольку Россия стала социалистической.

Вторая сессия Латышского временного национального совета, состоявшаяся в Петрограде в середине

января 1918 года, приняла решение об отделении Латвии от социалистической России. Это преступное мероприятие, тщательно замаскированное фразами о демократии и защите интересов народа, было задумано в целях подчинения Латвии иностранным империалистам — все равно, немецким ли оккупантам или англо-франко-американским империалистическим грабителям. Они одни могли спасти латышскую буржуазию от Октябрьской революции и оградить ее собственность, — а раз так, то спешно требовалось отделиться от социалистической России.

В газете Крестьянского союза «Лидумс» от 21 ноября 1917 года утверждалось, что «на Россию теперь нельзя положиться» и что «Латвия не желает свою дальнейшую судьбу связывать с Россией». Видный деятель Крестьянского союза М. Валтер разъяснял: если прежде имела место так называемая «русская ориентация», то теперь «нельзя было представить себе какие бы то ни было отношения с большевистской Россией».

Подлинная защитница интересов латышского народа — большевистская Социал-демократия Латвии, всегда решительно высказывавшаяся против отделения Латвии от России, естественно, с еще большей энергией отстаивала эту точку зрения после того, как Россия стала социалистической. 24 декабря 1917 года ЦК СДЛ и Исколат издали декларацию «О самоопределении Латвии», в которой подчеркивалось, что пролетариат Латвии, составляющий 80 процентов населения и достигший высокой степени политической сознательности, никогда и нигде не выражал желания и не проявлял стремления отделиться от России. Декларация отмечала, что политическая самостоя-

тельность «маленького народа на пороге империалистических великих держав есть иллюзия, которая, столкнувшись с действительностью политической жизни, должна разлететься, как мыльный пузырь среди жерновов». Социал-демократия Латвии разъясняла массам, что подлинной независимости и свободы Латвия может добиться, лишь идя по пути социалистической революции, свергнувшей господство эксплуататоров, и оставаясь в пределах социалистической России. «Свободная Латвия в свободной России!» — таков всегда был лозунг революционного пролетариата Латвии.

После победы в России Октябрьской революции латышские буржуазные националисты согласны были продаться империалистам любой страны, лишь бы те проявили желание и могли удержать на поверхности воды терпящий крушение «корабль», вернее — «лодочку», латышской буржуазии. Латышские буржуазные историки «столпов» этой эпохи делят на две группы — сторонников «немецкой ориентации» и «антантовской ориентации». Но зачастую обе эти ориентации сливались. И по сути дела существовали не две, а только одна ориентация. Это чрезвычайно красноречиво доказала кулацкая газета «Лидумс» в номере от 1 марта 1918 года: «Когда человек спасен от смертельной опасности, он не интересуется национальностью или вероисповеданием своего спасителя — он лишь торопится выразить благодарность этому спасителю».

Латышский временный национальный совет наяву грезил об английской, французской и американской помощи, но член этого совета полковник Гоппер свидетельствует (*Latviešu strēlnieki*, VII. Рига, 1940,

стр. 3217—3218), что большинство в нем было за подчинение верховному руководству Германии.

Остановимся теперь подробнее на надеждах, которые латышские буржуазные националисты возлагали на помощь английских, французских и американских националистов, и посмотрим вместе с тем, как они служили немецким оккупантам, грабившим Латвию и порабощавшим латышский народ.

КАК ЛАТЫШСКИЕ БУРЖУАЗНЫЕ НАЦИОНАЛИСТЫ СТАЛИ НАЕМНИКАМИ АНГЛИЙСКИХ, ФРАНЦУЗСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ИМПЕРИАЛИСТОВ

Еще до победы Октябрьской революции, когда латышские буржуазные политиканы оставались противниками отделения Латвии от России, они уже начали вполне определенно заглядываться на «союзников» — Англию, Францию и Соединенные Штаты Америки.

В начале октября 1917 года Я. Голдман создал в Петрограде Латышское информационное бюро, позднее вошедшее в состав образованного при Латышском временном национальном совете Иностранного отдела. Председателем этого отдела был избран Я. Голдман, а делегатами отдела для поездок за границу — Я. Крейцберг, З. Мейеровиц и Я. Чаксте. Иностраный отдел установил непосредственные связи с английскими, французскими и американскими империалистами.

На первом заседании первой сессии Латышского временного национального совета 17 ноября 1917 года

в Валке, как рассказывает Я. Сескис, дипломат буржуазной Латвии, в своих мемуарах «Возникновение Латвийского государства на фоне событий мировой войны» («Latvijas valsts izcelšanās pasaules kara politikumi pētījums». Рига, 1938, стр. 79), Я. Голдман заявил: «Наша единственная надежда — союзники. Переговоры с английскими и французскими представителями уже ведутся и должны продолжаться, так как они *проявляют готовность идти нам навстречу...* Следует надеяться, что союзники придут на помощь». Далее Я. Голдман отметил, что выбор членов Иностранного отдела оказался удачным, так как они не числятся в составленном союзными державами «черном списке». Я. Сескис добавляет, что при комплектовании штатов Иностранного отдела этот принцип соблюдался и в дальнейшем: «Это было первым условием, необходимым для завоевания доверия представителей иностранных государств, особенно Антанты».

В своем выступлении на заседании Латышского временного национального совета Я. Голдман сообщил также, что и в Соединенных Штатах Америки «уже предприняты шаги в пользу нашего самоопределения» («Лидумс», 19 ноября 1917 года). Поэт К. Скалбе вторил Голдману: «только союзники — наша надежда», а националист Ф. Трасун беззащитно и цинично объявил: «Нам все равно, с кем вести переговоры. Политика не знает симпатий, а только интересы» (мемуары Лиготню Екабса, стр. 308—309).

Среди протоколов заседаний Иностранного отдела трудно найти такой, в котором не содержалось бы напоминания о том, что делегаты Национального совета должны **возможно скорее** отправиться в Западную Европу. Одним из первых в июле 1918 года

в заграничный вояж поехал З. Мейеровиц; Я. Чаксте последовал за ним позднее.

На единственном заседании Учредительного собрания России, состоявшемся в Таврическом дворце в Петрограде 5 января 1918 года, выступил Я. Голдман, избранный в Учредительное собрание как представитель кулаков неоккупированной части Видземе. После безудержного восхваления «наших доблестных союзников» — Англии, Франции и США Голдман, как бы давая понять, кому он продался и от чьего имени говорит, заявил: «Латвия до сих пор была окном России в Западную Европу. В дальнейшем она должна быть дверьми демократической (читай: империалистической. — В. М.) Европы и союзной нам Америки в Россию». Эти слова неопровержимо доказывали, что Я. Голдман был агентом империалистов Антанты, он поддерживал их стремление превратить Латвию в плацдарм для интервенции против Советской России. До заседания Учредительного собрания Я. Голдман на заседании Государственной думы превозносил до небес угнетателя латышского народа — царское самодержавие, когда же этот оплот латышских буржуазных националистов и кровавый палач латышского народа был повержен в прах, он мгновенно переориентировался и принялся столь же преданно служить другим врагам латышского народа — американским, английским и французским империалистам.

Точку зрения Я. Голдмана о том, что Латвия должна была стать «дверьми в Россию» для империалистического Запада, поддержал и Я. Сескис, который, вторя Я. Голдману, в своих упомянутых выше мемуарах писал, что создание отдельного буржуазного Латвий-

ского государства было «требованием Западной Европы и Америки», поскольку только такая Латвия могла обеспечить возможность «свободно отворять и затворять двери в Северо-восточную Европу».

Можно ли было выразиться яснее?

После победы Октябрьской революции рабочие, безземельные и беднейшие крестьяне Латвии, где бы они ни находились, в теснейшем единстве с трудящимися всей России приступили к строительству первого в мире рабоче-крестьянского государства, закладывая основы нового, социалистического общества. Отважные сыны латышского народа — красные латышские стрелки, которым было оказано огромное доверие, охраняли Советское правительство и вождя социалистической революции Владимира Ильича Ленина.

А что же в это время делали латышские буржуазные националисты?

Уже с первых дней существования Советской власти те из них, которые находились в неоккупированной части Латвии, равно как и в Петрограде и других городах Советской России, стали лихорадочно искать связей с дипломатическими миссиями империалистических государств. Они без усталости обивали пороги иностранных дипломатических представительств, предлагая свои услуги для борьбы против молодой Советской страны, выпрашивая подачки и помощь для удушения Советской власти в Латвии и создания в Латвии буржуазного государства.

В двери каких только дипломатических представительств они не стучались! Они были у посла Франции Ж. Нуланса, поверенного в делах Англии Ф. Линдли, посла США Р. Френсиса, они не обошли и дипломатических представительств Италии, Бразилии, Японии

и других стран. Чего они там искали? Они стремились прежде всего убедить послов империалистических держав, что достойны их доверия, и затем стать платными агентами соответствующих разведок. Они всячески вымаливали деньги на развертывание контрреволюционной деятельности против Советской власти. И денежные средства отпускались им весьма охотно.

Французский посол Ж. Нуланс в предисловии к мемуарам Я. Сескиса рассказывает, как в декабре 1917 года к нему в Петрограде явилась делегация Латышского национального совета. В посольстве она встретила «любезный прием и активную помощь». Затем делегация Национального совета посетила посольства Англии и США. «В полном единодушии, — пишет Ж. Нуланс, — мы все трое с тех пор оказывали поддержку делу латышей при наших правительствах».

На ведение контрреволюционной деятельности, на шпионаж и устройство диверсий латышские националисты регулярно получали от дипломатических представителей империалистических стран значительные суммы денег.

27 февраля 1918 года делегаты Национального совета явились к поверенному в делах Англии Ф. Линдли, который, как пишет в своих мемуарах Я. Сескис, принял их «со своей приветливой улыбкой на устах». Делегаты сказали, что Национальному совету для антисоветской деятельности нужно ежемесячно 50 тысяч рублей. Возражений не было. Линдли был так любезен, что сразу выдал аванс на четыре месяца — 200 тысяч рублей.

Я. Сескис спросил Ф. Линдли: «Выписать квитанцию за полученные деньги?»

Тот отвечал: «Это ни к чему. Я знаю латышей и уверен, что эти деньги вы употребите на достижение целей Латышского национального совета».

Получив «иудины сребреники» от английских империалистов, Я. Сескис почувствовал себя «на седьмом небе». Он пишет: «Уложив пачки денег в портфель, я еще раз выразил представителю Англии благодарность. Он проводил меня до дверей кабинета, на прощание пожал руку и сказал: «Боритесь за независимую Латвию, и я верю, что вы добьетесь ее независимости!» Я был чрезвычайно обрадован. Представитель великой Англии также верит в независимость Латвии! То, что это не просто пустые слова, доказывает это первое даяние, которое так конкретно, реально прощупывается в портфеле, уже снаружи».

С набитым портфелем Я. Сескис пришел на заседание членов Иностранного отдела, которых обычно здесь было 8 человек, и выложил на стол четыре пачки выпущенных Государственной думой ассигнаций. Это произвело «чудесное впечатление», у присутствующих «прояснились черты и в них запламенела, загорелась вера в дело Латвии».

«Иуды» получали одну подачку за другой. Несколько позднее, в апреле 1918 года, З. Мейеровицу и Я. Сескису по распоряжению врага советского народа — дипломата по паспорту, но шпиона и диверсанта по роду занятий — посла Франции Ж. Нуланса было выдано для контрреволюционной деятельности еще 100 тысяч рублей. На этот раз у них потребовали расписку, которую впоследствии буржуазному правительству Латвии пришлось оплатить. В августе 1918 года Я. Сескис получил еще 200 тысяч рублей

от матерого английского шпиона и диверсанта в обличье дипломата Р. Локкарта. Не перечислить все случаи, когда империалисты отваливали «иудам» денежки!

Летом 1918 года, когда дипломаты стран Антанты перебрались из Петрограда в Вологду, посол США Р. Френсис пригласил в посольство З. Мейеровица и Я. Сескиса. Френсис уже примеривался к природным богатствам Латвии и в этой связи задумал учредить банк «для восстановления народного хозяйства Латвии». Основной капитал банка вначале должен был составлять 10 миллионов рублей, причем сумму эту выделили бы США. Р. Френсис поручил ловкому коммерсанту З. Мейеровицу разработать согласно его указаниям устав банка. Но стремительное нарастание в Латвии революционного движения на время расстроило планы империалистов США.

Обладая достаточными денежными средствами, латышские националисты с чрезвычайным усердием включились в контрреволюционную деятельность, направленную против Советской власти.

Активно действовало московское отделение контрреволюционного Национального союза латышских воинов, которым руководил полковник Ф. Бриедис. В нем «работали» контрреволюционно настроенные бывшие офицеры латышских стрелковых полков. Они подстрекали красных латышских стрелков дезертировать из Красной Армии и уезжать в Латвию или Сибирь. Контрреволюционная деятельность полковника Ф. Бриедиса была разоблачена. После того как было доказано его соучастие в «работе» контрреволюционной организации «Союз спасения родины и свободы»,

он был арестован советскими органами власти и расстрелян.

Выполняя указания английского шпиона Р. Локкарта, З. Мейеровиц, Я. Залит и Я. Сескис участвовали в подготовке покушений на вождя Великой Октябрьской социалистической революции Ленина, его соратника Я. М. Свердлова и других ответственных советских работников. Локкерт информировал Мейеровица и Сескиса о подготовке контрреволюционного мятежа левых эсеров и вовлек их обоих в его подготовку.

Плетя нити заговора против Владимира Ильича Ленина, Р. Локкерт собирал с помощью Я. Сескиса сведения о красных латышских стрелках и их командах, которых он безуспешно (как мы знаем также из кинофильма «Заговор послов») пытался подкупить и привлечь к участию в подготовке заговора. «Я еще раньше указал Локкарту, — рассказывает в своих мемуарах Я. Сескис, — чтобы он, перед тем как устанавливать связь с кем-либо из офицеров латышских стрелков, сообщал его фамилию мне, так как Иностранный отдел, возможно, сумеет выяснить, можно ли доверять данному лицу».

Когда заговор Р. Локкарта с треском провалился, изворотливый делец и наемник империалистов З. Мейеровиц поспешил уехать к министру иностранных дел Англии Бальфуру в Лондон, где стал торговать судьбами Латвии.

Вот каким образом латышские буржуазные националисты, которые находились в неоккупированной части Латвии и городах Советской России, после победы Октябрьской революции превратились в наемных

агентов иностранных империалистов. Они предавали свой народ, торговали своей родиной, выступая против отечества трудящихся всего мира — социалистической Советской России.

ИЗ ОБЪЯТИИ РУССКОГО ЦАРЯ ПОД ПЯТУ ГЕРМАНСКОГО КАЙЗЕРА

Что делали и кому служили буржуазные националисты на оккупированной немецкими империалистами территории Латвии?

Армия кайзеровской Германии еще весной 1915 года вторглась в Курземе. В конце апреля пала Лиёпая, в июле немцы заняли Салдус, Кулдигу, Вентспилс, Тукумс, а затем и Елгаву. В сентябре немецкие войска продолжали наступать в направлении от Елгавы к Даугавпилсу и в октябре вышли на подступы к нему, захватив Илуксте. В ноябре немцы вынуждены были прекратить наступательные действия и стали окапываться, готовясь к длительной позиционной войне.

Линия фронта на территории Латвии шла от Даугавпилса по Даугаве примерно до Саласпилса и оттуда на запад вдоль южного края болота Тирельпурвс. Такое положение сохранялось до августа 1917 года, когда армии кайзеровской Германии удалось форсировать Даугаву и прорвать фронт у Икшкиле, захватить Ригу и часть Рижского уезда. Неоккупированной осталась бóльшая часть Видземе, включая несколько волостей Рижского уезда, и Латгалия. После победы Октябрьской революции здесь была установлена Советская власть. Власть трудящихся просущест-

вовала до февраля 1918 года, когда вся территория Латвии была оккупирована немцами. Кованый сапог немецких оккупантов топтал землю Латвии вплоть до конца 1918 года.

Таким образом, Курземе находилась под игом немецкой оккупации более трех лет, а северная часть Видземе — неполный год.

Немецкие оккупанты грабили природные богатства Латвии, вывозили запасы продовольствия, опустошали поля. Трагическим было положение трудящихся Курземе, где сапог оккупантов дольше всего попирал землю Латвии. Повсюду торчали остовы разрушенных хуторов, простирались заброшенные поля. Но и в Видземе было не легче. «Начиная от Цссиса и далеко за станцию Инчукалнс, — читаем мы в номере петроградской латышской газеты «Комунистс» от 2 июня 1918 года, — всюду лишь разорение да пустота, проволочные заграждения, траншеи и братские могилы. Прекрасная Сигулда и вся Видземская Швейцария превращены в остров мертвецов».

В той части Видземе, где непродолжительное время существовала Советская власть, немецкие оккупанты и кулаки зверски расправлялись с трудовым людом. Кулацкая партия Крестьянский союз постановила не принимать на работу батраков, которые поддерживали Советскую власть, не предоставлять им жилья и не продавать им хлеба. Нелегальное издание СДЛ «Зиньотайс» в июле 1918 года констатировало: «Во многих местах сельскохозяйственные рабочие вынуждены жить в землянках. На работу не берут, а если принимают, то за одни харчи или же платят 50—100 коп. в день при собственных харчах. В ряде мест батраков заставили дать расписку, которой они

должны удостоверить, что «высокое» жалование 1917 года получено взаймы и что они обещают его возместить».

Оккупанты осуществляли политику национального угнетения и унижения латышского народа. В учреждениях можно было пользоваться только немецким языком. 7 июня 1918 года командующий немецкой VIII армией Кирхбах издал приказ, согласно которому занятия во всех средних и высших учебных заведениях должны были проводиться на немецком языке. Даже в волостных школах бóльшая часть предметов преподавалась на немецком языке. Заведующими сельскими школами назначались местные пасторы. Пользоваться русским языком было строгойше воспрещено. Немецкая цензура вычеркивала из учебников все, что имело отношение к истории России. Нигде не оставлялось и название «Латвия». Латышскому народу, доказавшему свою верность большевистской партии и Советской власти, оккупанты старались навязать взгляды немецкого феодального дворянства и духовенства.

Свое умение угнетать латышский народ, опираясь на бронированный кулак оккупантов весьма активно проявляли местные немецкие бароны, а также немецкая городская буржуазия.

Оккупанты вместе с немецкими баронами и латышскими буржуазными националистами применяли против трудящихся Латвии и их идейного вождя — Социал-демократии Латвии — *жестокий террор*. Командующий немецкой VIII армией Кирхбах 20 декабря 1917 года издал распоряжение, в котором угрожал смертью всякому, кто осмелится критиковать немецкие военные учреждения. «Они превратили

страну в огромное кладбище и теперь хотят, чтобы молчали и те, кто еще остался в живых, — говорилось в напечатанной 6 января 1918 года нелегальной листовке группы «Спартак» (Рижской организации) Социал-демократии Латвии «Не запугаете!». — Товарищи солдаты! Товарищи рабочие! Смерть уже не страшит ни вас, ни нас. Три с половиной года смерть была нашей постоянной спутницей».

За распространение нелегальных листовок грозила смертная казнь или же длительное тюремное заключение. Тюрьмы и концентрационные лагеря были переполнены. Целый ряд руководящих работников СДЛ — Ян Ленцманис, Роберт Эйхе, Юлий Данишевский, Рудольф Эндруп, Карл Крастынь и другие — томился в концентрационном лагере в Кримунас близ Елгавы. 15 августа 1918 года Советское правительство России опубликовало протест против чинимых немецкими оккупантами и состоявшими у них в услужении латышскими буржуазными националистами зверств и насилий, жертвами которых оказались латышские трудящиеся.

Над Латвией опустилась темная ночь, земля пропиталась кровью борцов за свободу, а газета латышских кулаков «Лидумс» в номере от 1 марта 1918 года требовала, «чтобы без малейших возражений выполнялись все приказы и распоряжения немецкой военной администрации, относящиеся к местному населению», ибо немецкие оккупанты пришли-де «восстановить покой и безопасность».

Уже тогда немецкие оккупанты планировали *колониализировать Латвию и онемечить латышский народ*. Эту политику довели до крайности гитлеровцы в период Великой Отечественной войны.

Курляндский немецкий барон Сильвио фон Бредрих в своей книжонке «Das neue Ostland», опубликованной небольшим тиражом в Берлине в 1915 году, писал о планах немецких оккупантов следующее: «Курляндия — наилучшая страна для колонизации. Немецкие дворяне уже единодушно постановили на своих собраниях, что Курляндия должна быть присоединена к Германии и что они отдают Германскому государству за небольшую оплату треть земель своих имений для нужд колонизации. Это постановление дворянства является как бы заключительным словом в той исторической борьбе, которую 700 лет вело рыцарство с истинно немецким упорством и настойчивостью, для того чтобы сохранить земли балтийского побережья в немецких руках и в конце концов передать их в распоряжение немецкого народа». Далее С. Бредрих рассуждал так: 28 тысяч латышских усадебовладельцев должны отдать половину своей земли 28—30 тысячам немецких колонистов, которых следует немедленно расселить в Курляндии. Помимо того, «каждый латышский усадебовладелец должен на один год, пока немецкий колонист не построит себе жилье, отдать в его распоряжение половину своего дома для временного проживания. Важно без промедления разместить в Курляндии эти 28—30 тысяч немецких колонистов. Позднее они путем купли могли бы приобрести и вторую половину земли, поскольку латыши размножаются медленно (еще медленнее, чем французы), тогда как для немцев в этом отношении характерно совершенно противоположное. Таким путем немцы мирными способами полностью завоюют Курляндию. Помимо упомянутых 30 000 колонистов такое же количество немцев необходимо поселить на казенных

землях, а также на землях, добровольно освобожденных помещиками».

Вот какие планы строили в самом начале оккупации Курземе местные немецкие бароны вместе с оккупантами. Для осуществления этих планов в январе 1918 год было основано специальное колонизационное общество «Курланд». Замыслы, направленные на уничтожение латышского народа, находили поддержку и у послушной немецким империалистам германской социал-демократии, в связи с чем в сентябре 1918 года германское правительство направило в Ригу своего агента правого социал-демократа Августа Виннига, который должен был способствовать проведению в жизнь планов колонизации Латвии.

Германский кайзер Вильгельм II сразу после заключения Брестского мира, когда вся Латвия и Эстония были оккупированы, заявил, что «наша победа обеспечивает германизацию Прибалтики». Генерал Людендорф намеревался создать в Прибалтике «большую колонию» из немецких солдат, а также немцев, которые репатриировались бы из России.

Газета реакционнейших кругов латышской буржуазии «Ригас латвиешу авизе», которую издавали Ф. Вейнберг и А. Беньяминь, горячо поддерживала планы оккупантов по колонизации Прибалтики. В ее номере от 9 октября 1917 года была перепечатана статья из одной немецкой реакционной газеты, в которой говорилось: «При заключении мирного договора с Россией мы должны потребовать, чтобы она переместила русское и латышское население Литвы, Курляндии и Лифляндии на восток и вместо него отдала нам немецких крестьян с Волыни, Подолии и Кавказа,

которым мы предоставим новую родину в прибалтийских губерниях».

Раболепное служение наиболее реакционных кругов латышской буржуазии оккупантам яркое выражение нашло в событиях, связанных с осуществлением замыслов оккупантов о *присоединении Латвии к Германии*. Инициативу в этом отношении проявила местная немецкая буржуазия и особенно немецкие бароны, бывшие мамелюки (телохранители) русского царя, рука об руку с которыми, предавая национальные интересы латышского народа, шла латышская реакционная буржуазия. Второпях созвали свои собрания коммерсанты из Рижского биржевого комитета, «получившие академическое образование рижские немцы», были назначены заседания средневековых учреждений немецких баронов — ландтагов (земских собраний), — и все это для того, чтобы принять постановление о присоединении Прибалтики к Германии. Чтобы сделать ландтаги пригодными для этих целей, их состав, как отмечалось в номере газеты «Ригас латвиешу авизе» от 6 октября 1917 года, необходимо было пополнить «представителями других классов».

Перепуганная социалистической революцией латышская буржуазия, лишившись русского царя Николая II, готова была лизать сапог германского кайзера, ибо видела в войсках немецких оккупантов своих спасителей и освободителей. «Наш долг, — писала газета «Лидумс» 1 марта 1918 года, — с благодарностью содействовать им».

Касаясь вопроса о верном служении зажиточного крестьянства — кулачества России, Латвии, Украины, Грузии, Финляндии оккупантам, В. И. Ленин в ав-

густе 1918 года писал: «Везде кулачье с неслыханной кровожадностью расправлялось с рабочим классом. Везде оно входило в союз с *иноземными капиталистами* против рабочих своей страны» (Полное собр. соч., т. 37, стр. 39).

Характерно, что та часть латышской буржуазии, которая находилась в оккупированной немецкими войсками Латвии, почти вплоть до конца 1918 года и не заикалась о создании «независимой» Латвии, а, наоборот, всеми силами старалась включить Латвию в состав Германской империи.

До Февральской революции, когда русский царь Николай II еще не был свергнут, латышская буржуазия клялась в верности его трону. Теперь та часть латышской буржуазии, которая находилась на оккупированной немцами территории, с не меньшим рвением распинаясь в преданности германскому кайзеру. «Ригас латвиешу авизе» цинично писала: «Мы можем принести присягу другому императору». В номере от 21 января 1918 года этот листок черносотенцев столь же цинично заявлял: «Для латышей непригоден такой государственный строй, который опирается на широкие массы рабочих и провозглашает принцип, что власть должна исходить снизу». Государство, продолжала газета, должно опираться на буржуазию, а это возможно лишь тогда, когда буржуазия опирается на монархию. «Поскольку в настоящее время в России больше нет монархической власти и там господствует пролетариат, то Латвия должна отделиться от России. Единственная власть, которая может спасти латышскую буржуазию, — это Германия».

Какие постановления о присоединении Латвии к

Германии были приняты при участии представителей латышской буржуазии?

8(21) сентября 1917 года немецкие оккупационные власти созвали в Елгаве расширенное заседание курляндского ландтага, на которое вместе с немцами — баронами, представителями духовенства и городской буржуазии — явились 28 подобранных оккупантами «столпов» латышской буржуазии. В принятом ими постановлении говорилось, что ландтаг, «преисполненный доверия, вручает свою судьбу его величеству (т. е. германскому кайзеру. — В. М.) и назначенной им немецкой военной администрации и просит у германского кайзера и могучего Германского государства охраны и прибежища».

В связи с происходившими в Брест-Литовске мирными переговорами в Риге 9(22) декабря в большой спешке было организовано собрание местных крупных домовладельцев, фабрикантов, купцов и некоторых буржуазных интеллигентов — предателей латышского народа. Это собрание утвердило резолюцию об отделении Латвии от Советской России, о которой немецкая империалистическая печать раструбила как о «голосе всего латышского народа». Постановление такого собрания нужно было германской делегации на переговорах в Брест-Литовске, чтобы можно было утверждать, что население Латвии уже выразило свое желание присоединиться к Германии.

Разоблачая это мошенничество, группа «Спартак» (Рижская организация) Социал-демократии Латвии обратилась к латышскому народу с воззванием «Вас продают!». Подлинная защитница интересов латышского народа — Социал-демократия Латвии предупредила народ, что ему угрожает опасность стать

рабом германских империалистов и что его продают «за иудины 30 сребреников». «Подкупленные предатели при любезном покровительстве военного начальства собрались в субботу, 22 декабря, в гнезде латышских реакционеров — в «Матушке» (Рижском латышском обществе. — В. М.) и в качестве представителей и доверенных лиц различных слоев населения продали Латвию и ее будущее, подписав прошение и благодарственный адрес, в которых эти иуды от имени всего населения Латвии просят присоединить Латвию к Германии». «Можем ли мы спокойно смотреть, как наше будущее заковывается в цепи рабства?» — спрашивала бесстрашная группа «Спартак» и отвечала: «Нет, тысячу раз нет!.. Мы должны доказать, что империалистические завоеватели не в силах были голодом, гнетом и насилием заморить и сломить нас настолько, чтобы мы не могли больше поднять голоса в защиту своего будущего... Лучше умрем как герои, но не позволим продать себя в рабство империалистам».

Группа «Спартак» призвала трудящихся Риги выйти на демонстрацию. Демонстрация состоялась 6 января 1918 года. В этой демонстрации приняли участие тысячи трудящихся. Оккупанты разогнали демонстрантов с помощью вооруженной силы. За демонстрацией 6 января последовала демонстрация в Риге 3 февраля, затем несколько многолюдных демонстраций в Цесисе, Стренчи и других местах.

Того же 6 января (24 декабря 1917 года по ст. ст.) с декларацией «О самоопределении Латвии» выступили Центральный Комитет СДЛ и Исполнительный Комитет Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии, которые решительно заявили, что

думы и чаяния населения Латвии компетентен выражать только пролетариат, который между тем «нигде и никогда не высказывал своей воли и не проявлял стремления отделиться от России».

8 марта 1918 года курляндский ландтаг постановил припасть к стопам германского кайзера с «всеверно-подданейшей просьбой» принять «корону Курляндского герцогства». На заседании ландтага «от имени латышских усадьбовладельцев» выступил владелец имения А. Важник, заявивший, что «латыши, сельское население не хотят иметь своего собственного герцога, а желают, чтобы государем был германский кайзер и прусский король, на справедливость и твердое правление которого мы полагаемся целиком и полностью».

Предателей, тщившихся продать Латвию империалистам Германии, и на этот раз разоблачила нелегальная группа «Спартак» Социал-демократии Латвии, а также центральный орган СДЛ газета «Циня», выходившая тогда в Москве. «Хотя вся политическая жизнь в Латвии и завернута в саван, — говорилось в майском номере газеты за 1918 год, — все же в широком течении жизни в массах трудового народа Латвии зреет великая сила, которая уже теперь выливается наружу. Пролетариат не завершил процесса своей социалистической революции и не может завершить его, пока не уничтожит капиталистический строй до самого основания. В борьбе за социализм пролетариат Латвии поднимает свое боевое знамя против ландтагов, против прибалтийского дворянства, против серых латышских баронов, против всех, кто намеревается возводить в Латвии государство рабства на потоках крови и грудах трупов трудящихся».

12 апреля 1918 года также и так называемый объединенный земский совет (ландесрат) Лифляндии, Эстляндии, города Риги и острова Эзель (Сааремаа) в соответствии с указанием немецкого командования выразил пожелание, чтобы из Лифляндии, Курляндии, Эстляндии, города Риги и прибрежных островов было образовано единое конституционно-монархическое государство — Прибалтийское герцогство, которое было бы связано с Германской империей на основе персональной унии и возглавлялось бы прусским королем. Ландесрат принял решение просить Германию об оказании военной помощи в целях окончательного отрыва Прибалтики от Советской России. В адрес германского кайзера собравшиеся отправили телеграмму с заверением покорности. Из 58 членов ландесрата 34 были немецкие дворяне и городские бюргеры, остальные же являлись волостными старшинами или были представителями латышской и эстонской буржуазии и духовенства. Правительство Советской России, защищая интересы народов Прибалтики, 25 мая 1918 года в ноте, направленной правительству Германии, указало, что дворянство Лифляндии и Эстляндии не имеет никакого права говорить от имени населения этих областей, потому что тысячи граждан в городах и сельской местности Эстонии и Латвии открыто выражают свой протест против насильственного отрыва этих областей от Советской России.

Срывая маски с оккупантов и их подручных, группа «Спартак» в своем воззвании писала: «Не баронам вкупе с подлецами решать за закрытыми дверьми судьбу Латвии. Решение об этом примут сами рабочие в открытой борьбе не на жизнь, а на смерть, и

решение их будет — против кровавой империалистической Германии, против палачей-баронов, против лакействующих сельских мироедов, за объединение Латвии с рабочей Россией».

21 октября 1918 года было созвано заседание исполнительного комитета объединенного ландесрата Лифляндии, Эстляндии, города Риги и острова Эзель, на котором было принято постановление, гласившее, что земли Прибалтики объединяются в конституционно-монархическое государство и что формируется временное правительство. В это правительство вошли три немца, три эстонца и два латыша, а также один немец и один латыш в качестве представителей Курляндии.

Однако все эти решения и постановления оказались построенными на песке.

В октябре 1918 года, когда Латвия снова находилась в ожидании социалистической революции, из глубокого подполья мощно прозвучал голос Центрального Комитета СДЛ: «Долой государство рабства!». «Как стая черных воронов собираются ландтаги прибалтийских юнкеров, — писал ЦК в своей нелегальной листовке, — чтобы принять «наследство», чтобы похитить права народов Латвии и Эстонии... Пусть знают немецкие юнкеры и назначенные латышские богатеи, ликующие на закрытых заседаниях ландтага: Прибалтийская «империя» будет их могилой».

Полной грудью вздохнули кулаки, когда после подавления Советской власти на всей территории Латвии в феврале 1918 года красные латышские стрелки ушли из Латвии в Советскую Россию, чтобы рука об руку с трудящимися всей России отстаивать первое в мире

государство рабочих и крестьян. Кулацкая газета «Лидумс» 8 марта 1918 года в этой связи писала: «Тяжелый кошмар, доводивший до безумия, свалился с души». Но недолго пришлось торжествовать торговавшим Латвией кулакам. В скором времени красные латышские стрелки с победой возвратились на свою родину.

Рука об руку с оккупантами шел и так называемый «*демократический блок*», основанный в конце сентября 1917 года, в котором лидеры латышских социал-демократов — меньшевиков объединились с латышской контрреволюционной буржуазией. Поскольку в это время прислужниками немецких оккупантов стали и так называемые меньшевики-интернационалисты, еще числившиеся членами Социал-демократии Латвии, то партия революционного пролетариата исключила их из своих рядов.

Демократический блок, представлявший основную часть латышской националистической буржуазии, в связи с неудачами Германии в войне отвернулся от нее и свои надежды начал связывать с империалистами США, Англии и Франции.

Пока землю Латвии топтал кровавый сапог немецких оккупантов, *не замолкал голос вождя революционного пролетариата — Социал-демократии Латвии*. В глубоком подполье продолжали работу партийные организации, в большом количестве издававшие воззвания и другую нелегальную литературу. СДЛ была единственной в оккупированной немцами Латвии политической партией, которая неустанно предупреждала народ о грозящих ему опасностях, до конца отстаивала интересы многострадающего латышского народа.

Те сыны и дочери латышского народа, которые вынуждены были временно оставить Латвию и в Советской России вместе с русскими, украинскими и другими рабочими строили светлое здание социализма, как подлинные интернационалисты, были уверены в том, что могущество и сила первого рабоче-крестьянского государства являются лучшей гарантией свободы латышского народа.

На протяжении всего времени, пока Латвия немецкими оккупантами и их подлыми лакеями — латышскими буржуазными националистами была оторвана от социалистической Советской России, на просторах Латвии не переставал отдаваться могучий клич Социал-демократии Латвии: *«Назад к социалистической Советской России!»*.

Социал-демократия Латвии, стоя на страже интересов латышского народа, разъясняла трудящимся Латвии, что принимать решения о будущем Латвии правомочен лишь трудовой народ и что свободной может быть только Советская Латвия трудового народа.

Латвия должна быть неотъемлемой составной частью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики!

АКТ ИЗ КОМЕДИИ В ТЕАТРЕ МАРИОНЕТОК

К концу 1918 года коренным образом изменилась вся международная обстановка. В ноябре в Германии победила буржуазная революция, свергнувшая кайзера Вильгельма II и его правительство, возникли Советы рабочих и солдатских депутатов. Создались

объективные условия для перерастания буржуазной революции в революцию социалистическую. Но у рабочего класса Германии тогда еще не было революционной массовой партии, без руководства которой этот процесс не мог осуществиться.

Германия вынуждена была признать себя побежденной и обратиться к державам Антанты с просьбой о мире.

Советская Россия получила возможность аннулировать тягостный, позорный Брестский мирный договор и развернуть военную и политическую борьбу за освобождение от ига немецких империалистов оккупированных областей России — Прибалтики, Белоруссии, Украины и Закавказья. В ноябре 1918 года Советское правительство объявило Брестский мирный договор утратившим силу.

В этой обстановке начал разваливаться и немецкий оккупационный режим в Латвии. Это открыло перспективы близкой революции для латышского народа.

Потерпевшая поражение в войне Германия 11 ноября 1918 года вынуждена была подписать в Компьене продиктованные Антантой условия перемирия. Империалисты Антанты, боясь усиления Советской России и восстановления Советской власти на оккупированных немецкими войсками территориях, признали необходимым оставить в этих областях войска побежденной в войне Германии до тех пор, пока победители будут считать это желательным. Немецкие войска остались и в Латвии. Используя их в своих целях, империалисты Антанты в то же время стремились ввести туда собственные вооруженные силы, чтобы затем направить их против Советской России.

Здесь нелишне вспомнить, что 23 декабря 1917 года правительства Англии и Франции договорились разделить между собой окраинные области России на «сферы влияния». Прибалтика, в том числе и Латвия, оказалась в пределах «сферы интересов» Англии.

Когда окончилась первая мировая война, английский флот поспешил к берегам Прибалтики, чтобы успеть туда, пока море еще не замерзло. 28 ноября 1918 года английская эскадра — 14 военных кораблей — отбыла из Копенгагена и 1 декабря около полудня бросила якорь на лиепайском рейде. Рижская буржуазная газета «Яунакас зиняс» 5 декабря сообщила, что англичане явились «установить мир и порядок и бороться с большевиками». 17 декабря 1918 года английские военные корабли появились в Даугавриве.

Хотя Германия и потерпела поражение в войне и ее войска были оставлены в Латвии для осуществления преступных замыслов другого хищника — империалистов Антанты, она все же не собиралась отказываться от планов колонизации Латвии и онемечивания латышского народа. Германия надеялась получить на востоке то, что она потеряла на западе.

Уже с сентября 1918 года в Риге пребывал агент германского империализма правый социалист (позднее фашист) Август Винниг, который после свержения кайзера Вильгельма представлял в Латвии германское правосоциалистическое правительство Эберта — Шейдемана. Фактическая власть в Латвии и после заключения Компьенского перемирия осталась в руках немецких оккупационных войск, а ими распоряжался Винниг. Он делал все, чтобы спасти то, что

еще поддавалось спасению, до конца отстаивая интересы германского империализма. В своих мемуарах он позднее писал: «Я поступил бы крайне неразумно, если бы не попытался использовать эту, может быть последнюю, возможность для укрепления немецких позиций в Латвии».

В этих условиях Латвия стала ареной борьбы двух могущественных империалистических сил — Германии и Антанты. Латышские буржуазные националисты одновременно служили двум господам и эту сложную задачу выполняли «на высоком уровне». Но в столкновении могучих противоборствующих сил они были не более чем куклами из театра марионеток, послушным орудием в руках других.

После революции в Германии Прибалтика превратилась в барьер между социалистической Советской Россией и охваченной пламенем революции Германией. В этих условиях, как подчеркнул 2 декабря 1918 года в своей резолюции Валкский Совет рабочих депутатов, задача революционного пролетариата Латвии заключалась в разрушении капиталистического барьера, отделявшего социалистическую Россию от революционной Германии.

К этому времени сложилась весьма противоречивая международная ситуация, в которой перед силами социалистической революции во всем мире встали ответственные и трудные задачи. Характеризуя эту ситуацию, Ленин заявил 8 ноября 1918 года на VI Всероссийском чрезвычайном съезде Советов: «...если мы никогда не были так близки к международной революции, то никогда наше положение не было так опасно, как теперь. Империалисты были заняты друг другом. И теперь одна из группировок сметена груп-

пой англо-франко-американцев. Они главной задачей считают души́ть мировой большевизм, души́ть его главную ячейку, Российскую Советскую Республику. Для этого они собираются построить китайскую стену, чтобы оградиться, как карантинном от чумы, от большевизма» (Полное собр. соч., т. 37, стр. 164).

Для того чтобы упрочить свою власть в Латвии и использовать продажную латышскую национальную буржуазию, а также лидеров социал-демократов — меньшевиков в своих интересах в этой противоречивой обстановке, американские и английские империалисты, а равным образом и немецкие оккупанты во главе с Виннигом сочли целесообразным создать «независимое» буржуазное «Латвийское государство». Хотя империалисты Антанты поддерживали «единую и неделимую Россию» и в деле удушения Советской власти основные надежды свои возлагали на контрреволюционных царских генералов, тем не менее в данный момент для борьбы с Советской Россией годилась и «независимая» буржуазная Латвия. В случае же победы контрреволюции «независимую» Латвию, точно так же как и другие маленькие буржуазные государства, возникшие на окраинах России, можно было бы очень легко убрать с дороги.

В ноябре 1918 года, когда империалисты «высжижали» буржуазную Латвию, фактическая власть в Латвии была в руках немецких оккупационных войск. От них прежде всего зависело — быть или не быть «независимой» Латвии. Винниг был за. Националист П. Залите в своих мемуарах «Последыши немецкой власти в Латвии» («Vācu varas pastari Latvijā») цитирует его слова: «Я сообщил немецкой гражданской администрации о возможности провозгла-

шения свободной Латвии и потребовал, чтобы к ней отнеслись с терпимостью и с этими людьми разговаривали и договаривались спокойно, как с неким правительством».

Цинично, зато откровенно!

Винниг замышлял Латвию, как и всю Прибалтику, присоединить к Германии, но достигнуть этого путем военных действий не представлялось возможным. Поэтому, рассудил Винниг, целесообразно создать «независимую» Латвию, чтобы в хозяйственном и политическом отношении связать ее с Германией и затем окончательно подчинить последней.

15 ноября Винниг вызвал в Ригу представителей и эстонской буржуазии и предложил им основать «независимое» буржуазное Эстонское государство.

В пользу создания в Прибалтике «независимых» буржуазных государств 10 декабря 1918 года высказался и сенат США. Заокеанские империалисты добились удушения Советской власти в России. Для достижения этой цели, по их мнению, вполне могли пригодиться и карликовые «марионеточные» государства на окраинах России.

Как же был разыгран акт из комедии в театре марионеток — иначе говоря, как было обставлено провозглашение «независимой» Латвии в Национальном театре в Риге 18 ноября 1918 года?

Днем ранее на межфракционном заседании буржуазных и социал-демократической партии был сколочен так называемый Народный совет Латвии, который 18 ноября должен был провозгласить «независимую» Латвию и назначить буржуазное временное правительство. Но где собраться? Многие хотели

направиться в Рижский замок, но сделать это было не так уж просто. Над замком развевался флаг оккупантов. Обратиться к оккупантам с просьбой снять флаг никто не осмеливался. Что было делать? Пришлось собраться в Национальном театре. Здесь под охраной немецкой жандармерии и состоялось инсценированное империалистами провозглашение «независимой» Латвии. Декларацию Народного совета санкционировал Винниг, назвавший сам акт провозглашения «опереточным представлением». Председателем Народного совета империалисты рекомендовали Я. Чаксте, доказавшего свою враждебность трудовому народу еще в дни революции 1905 года, которого они рекламировали как «мужа с чистым сердцем и чистыми руками». На пост «министра-президента» буржуазного временного правительства они подобрали властолюбивого агронома К. Ульманиса, приверженца «американского образа жизни».

Точно так же, как в наши дни американские империалисты используют в своих грабительских целях марионеточные правительства в Южной Корее и Южном Вьетнаме, так и тогда империалисты Германии и Антанты использовали в Латвии кучку продажных лидеров.

Во всем этом грязном «представлении» весьма активное участие приняли предводители латышских социал-демократов — меньшевиков П. Калнынь, Ф. Мендер и др., которые в Народном совете Латвии по количеству мандатов занимали второе место. Давая оценку участию лидеров социал-демократов — меньшевиков в провозглашении «независимой» Латвии, министр-президент Ульманис 8 марта 1921 года

в своей речи на вечере, организованном студенческим советом Латвийского университета, заявил: «Социал-демократы были необходимы, чтобы подвести под провозглашение государства широкую основу, что было особенно важно для внешнего мира». Но Ф. Мендер и сам не склонен был недооценивать свои заслуги и заслуги своих коллег, — об этом свидетельствует замечание, сделанное им на заседании Учредительного собрания буржуазной Латвии в 1920 году: «Вы, господа, не восседали бы здесь, если бы не было в Латвии социал-демократов».

Ленин, говоря о роли оппортунистов в установлении и защите власти буржуазии, отмечал на II конгрессе Коммунистического Интернационала: «Практически доказано, что деятели внутри рабочего движения, принадлежащие к оппортунистическому направлению, — лучшие защитники буржуазии, чем сами буржуа. Без их руководства рабочими буржуазия не смогла бы держаться» (Полное собр. соч., т. 41, стр. 232).

Чтобы не преуменьшать «заслуг» лидеров социал-демократов — меньшевиков, следует еще добавить, что они твердо договорились с Виннигом о том, чтобы после создания «независимой» Латвии из заключения не был выпущен ни один из арестованных коммунистов. Так и было сделано. Арестованные коммунисты были переданы Виннигом в распоряжение органов юстиции буржуазного временного правительства, чтобы те могли расправиться с ними.

Что же произошло после провозглашения буржуазной Латвии?

У буржуазного временного правительства были свои

собственные министры, свой министр-президент, но не было никакой власти. Фактически власть оставалась в руках немецких оккупантов. Даже для объявления внешнему миру о провозглашении «независимой» Латвии временному правительству понадобилось разрешение Виннига. Разрешение того же Виннига оказалось необходимым и для того, чтобы члены Народного совета Латвии могли вне очереди получить железнодорожные билеты. «Сам» министр-президент признавал, что в распоряжении временного правительства не было буквально ничего. «Не было ни армии, ни оружия, ни продовольствия, ни денег, не было управленческого аппарата, отсутствовал и опыт». Министры временного правительства, отмечал Петр Стучка, были «снежными бабами с углями вместо глаз и граблями взамен рук. Ульманисам принадлежали лишь названия улиц и почтовые марки».

Итак, министры были, власти не было. Хотя и министров найти удалось не для всех постов. На состоявшемся 4 декабря 1918 года заседании Народного совета Латвии Ульманис сокрушался: «...не было кандидата на пост министра обороны, так как латышские офицеры, которым его предлагали, ответили отказом, не решаясь взять на себя ответственность за трудности, которые пришлось бы преодолевать. Тогда временное правительство пришло к выводу, что министерство обороны следует доверить гражданскому лицу».

«Гражданское лицо» в конце концов было найдено. Пост министра обороны занял бывший член Государственной думы Я. Залит.

В заключение заседания Народного совета Ульманис сказал: «Единственным спасением было лишь то,

что мы взяли все в свои руки и стали искать оружие там, где его можно было получить и где его нам предлагали» (Latvijas Tautas padome, Рига, 1920, стр. 46).

Новоиспеченное буржуазное Латвийское государство было независимым не в большей степени, чем независим цепной пес. Это была марионетка империалистов, мыльный пузырь, который мог лопнуть при первом же дуновении ветра.

Для того чтобы «снежные бабы» не казались такими смешными, буржуазным писателям и поэтам вменили в обязанность идеализировать их. Вот что пишет Э. Бланк в своей книге «Латышская демократия и ее вожди» («Latvijas demokrātija un viņas vadotāji». Рига, 1932, стр. 24): «Мы идеализировали первый день создания Латвии, и кое-кому из деятелей, которых судьба (или ирония судьбы) по некоей непонятной нам великой исторической необходимости или же по еще большему недоразумению выдвинула на гребень волн исторического движения, мы набросили на голые плечи тогу героя. Этой мелкой идеологической ложью мы стремились ввести в заблуждение будущие поколения латышей и исследователей истории Латвийского государства. Мы хотели убедить их, что и у нашего поколения были великие и бескорыстные государственные мужи и государственные мысли».

«Великие и бескорыстные государственные мужи» были не кем иным, как мелкими дельцами, которые искали убежища у империалистов и верой и правдой служили им.

Продавая Латвию немецким оккупантам и империалистам Антанты, предавая национальные интересы латышского народа, националисты ловко прикрыва-

лись флагом национальной свободы, для того чтобы обманывать народ и маскировать свои контрреволюционные цели. Провозглашенный Великой Октябрьской социалистической революцией принцип о праве народов на самоопределение латышская буржуазия истолковывала в своих интересах. После создания карликового буржуазного Латвийского государства его временное правительство и все буржуазные партии, включая основанную меньшевиками Латвийскую социал-демократическую рабочую партию, стали проводниками отвратительнейшего националистического шовинизма. Буржуазный национализм стал в Латвии государственной идеологией.

Холопы латышских буржуазных националистов, выступающие в роли историков, бессовестно лгут, утверждая, что «независимая» Латвия родилась в борьбе латышского народа против русского царизма и немецких оккупантов. Неопровержимые факты истории свидетельствуют о том, что она возникла по прямому указанию империалистов Антанты и немецких оккупантов и при их поддержке.

ЛАТЫШСКИЙ НАРОД ПРЕЗИРАЛ И НЕНАВИДЕЛ ПРАВИТЕЛЬСТВО НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ БУРЖУАЗИИ

Уже на выборах Учредительного собрания в ноябре 1917 года огромное большинство латышского народа в неоккупированной части Латвии проголосовало за партию большевиков — подлинную защитницу инте-

ресов народа. Положение не изменилось и в 1918 году в условиях немецкой оккупации.

Буржуазный Народный совет Латвии и его исполнительный орган — временное правительство возникли только вопреки воле латышского народа.

Центральный Комитет СДЛ в нелегальной листовке «Долой националистических поработителей Латвии!» в ноябре 1918 года разоблачил новые «храмы порабощения» латышского народа, воздвигнутые империалистами взамен прежних немецких дворянских ландтагов. Подчеркивая, что в Народном совете Латвии хозяйничают «банкиры, домовладельцы и адвокаты», Центральный Комитет писал: «Эта банда толстобрюхих не стыдится даже говорить от имени народа. От имени народа они теперь увиваются вокруг ног английских империалистов, чтобы выпросить английских солдат и штыки. Болтая о самостоятельности и свободе Латвии, они куют для латвийских трудящихся новые оковы. Они знают, что трудовой народ восстанет против своих поработителей, они знают, что против восстания народа их «Народный совет», если он положится только на собственные силы, не сможет устоять так же, как большущий дом «министра» Земгала против немецких гранат осенью 1917 года. Чувствуя, что рушится их господство, они, так же как в 1917 году, ищут спасения у внешних сил. Тогда их уберегли немецкие штыки, теперь они надеются на английские пушки. Они продают трудящихся Латвии английским разбойникам, под сапогом которых рабочие и народы Ирландии, Индии и других стран томятся в еще более тяжелых условиях, чем под прежним игом германских империалистов.

Судьбу Латвии имеет право решать только сам трудовой народ — Советы рабочих Латвии... Долой контрреволюционный «Народный совет» Латвии! Да здравствуют Советы рабочих и безземельных Латвии!»

Бесчисленное количество исторических документов неопровержимо свидетельствует о том, что буржуазный *Народный совет Латвии и его исполнительный орган — временное правительство не имели в народе абсолютно никакой поддержки*. Возможно, найдется «политический беженец», который попытается возразить, что это всего лишь выдумка коммунистов. Поэтому о том, пользовалось ли временное правительство поддержкой народа, пусть говорят документы, авторы которых — сами буржуазные националисты.

Как обстояло дело с латышскими стрелковыми полками? Они уже в мае 1917 года отвернулись от буржуазии и встали под знамя партии Ленина. Когда в феврале 1918 года войска кайзеровской Германии оккупировали всю Латвию, стрелки отправились защищать первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян, сознавая, что тем самым они борются также за освобождение своей родины — Латвии. Это констатировал и министр-президент Ульманис в речи от 8 марта 1921 года: «Наши старые войска ушли в Россию как большевики».

Как относились к буржуазному временному правительству рабочие, безземельные и беднейшие крестьяне, находившиеся в оккупированной немцами Латвии?

Буржуазная газета «Яунайс лайкс» в номере от 28 декабря 1918 года свидетельствовала, «что за

нашим временным правительством не стоят народные массы, что в этот ужасный момент временное правительство одно. Временное правительство не сумело привлечь к себе массы».

В своих мемуарах «Как становилось Латвийское государство» («Kā Latvijas valsts tapa», стр. 227) С. Паэгле признает: «Временное правительство в выполнении его нелегких обязанностей искренне и убежденно поддерживала только незначительная, наиболее развитая часть общества, в широких же народных массах оно не имело еще сильной и всеобщей поддержки».

Само буржуазное временное правительство знало, что оно не пользуется поддержкой масс, и сознание этого вызывало среди «власть имущих» смятение и панику. Так было, например, с Г. Земгалом — заместителем председателя Народного совета Я. Чаксте. Земгал, как рассказывает С. Паэгле на стр. 236 своих мемуаров, предложил, чтобы временное правительство «передало власть в руки тех, кто пользуется большим доверием народа, т. е. большевиков».

К таким выводам приводила реальная действительность наймитов империализма, которые, опираясь на штыки немецких оккупантов и английские пушки, старались сесть на шею латышскому народу.

Будущий «придворный бард» Ульманиса Э. Вирза 18 декабря 1918 года писал в кулацкой газете «Лидумс», что Латвию охватило «тупое безразличие», подобное смертному сну, и в сердцах ее граждан погасло вдохновение для поддержки «независимой» Латвии. «Ни одна рука, — жаловался Вирза, — не поднимается больше, чтобы оградить ее хотя бы от обыч-

ных разбойников. Красно-бело-красный флаг, который удерживается только специальным патроном под крышей дома, а не вдохновением граждан, должен быть спущен».

Мы допустили бы несправедливость, если бы не упомянули о том, что и социал-демократические лидеры рассуждали точно так же, как буржуазные политики. Например, политический авантюрист Бруно Калнынь в своей книжонке «50 лет Латвийской СДРП» («Latvijas SDSP 50 gadi», 1956, стр. 198), говоря о конце 1918 года, отмечает, что массы латышских рабочих «в большинстве своем были настроены большевистски и ждали спасения от прихода красных латышских стрелков».

Один из заправил Крестьянского союза О. Нонац на заседании Народного совета Латвии 4 декабря 1918 года заявил, что у временного правительства были и явные внутренние враги, которые стремились свергнуть правительство и по отношению к которым была необходима твердость, но что был также еще «более опасный враг — несознательность народных масс». Массы не научились еще «мыслить по-государственному». Аналогичным образом и в официальном издании буржуазной Латвии «История освободительной войны Латвии» («Latvijas atbrīvošanas kara vēsture», Рига, 1938, стр. 16) утверждается, что «огромное большинство латышей» доказало, что они могли быть «достаточно мятежными», но вот быть «достаточно разумными и национальными» они тогда еще «не были в состоянии».

Вертись как хочешь, но шила в мешке не утаишь. Широчайшие народные массы были против марионетного правительства наймитов империализма. Что же оставалось в таком случае делать прислужникам

империалистов? Они могли лишь пытаться взгромоздиться на шею народа силой.

Вместо черных баронов — дворянства к власти старались крадучись пробраться латышские «серые бароны» — кулачество. «Кто из них был лучше для рабочего класса? — спрашивал Петр Стучка и разъяснял. — Всякий рабочий человек, не вынимая цигарку изо рта, ответит: оба хороши — суй их в один мешок!».

Буржуазное временное правительство декларировало в своей платформе, что «Латвия есть республика на демократических началах» и что Латвия-де «будет демократическим государством справедливости, в котором не должно быть ни угнетения, ни несправедливости».

После 18 ноября успело пройти лишь несколько дней, а временное правительство уже размахивало перед народом дубинкой и постаралось поскорее найти ей применение. Уже 30 ноября оно призвало немецкую полицию на помощь против рижских рабочих, готовившихся к первому заседанию своего Совета рабочих депутатов и еще 24 ноября на массовом собрании на улице Тербатас (ныне П. Стучки) заявивших в своей резолюции, что латвийский рабочий класс не допустит, чтобы Народный совет Латвии продал ее «английским и американским угнетателям». Ульманис вместе с Виннигом опубликовали в печати специальное объявление, предупреждая, что «всякого рода собрания, предварительно не разрешенные, в Риге запрещаются. За разрешением надлежит обращаться в городскую полицию». В какую? Разумеется, в ту же, назначенную немецкими оккупантами, потому что другой полиции в Риге тогда не было.

Теперь немецкая полиция могла сослаться на совместное объявление Ульманиса и Виннига и обратиться свое оружие против рабочих от имени буржуазного временного правительства Латвии. Так она и поступила. Разгоняя с оружием в руках заседание Рижского Совета рабочих депутатов, созванное 1 декабря 1918 года председателем Совета Рудолфом Эндрупом, немецкие полицейские, «обрабатывая» участников заседания палашами и прикладами винтовок, кричали: «Wir tun das im Namen der lettländischen Regierung» («Мы делаем это от имени латвийского правительства»).

«Товарищи рабочие! Будьте бдительны, — писал в нелегальной листовке Центральный Комитет СДЛ. — Новое самозванное временное правительство готовит для вас петли и тиски. Оно зовет буржуазию к оружию. Оно создает белую гвардию... Обнаженными саблями и ружейными прикладами оно разогнало Рижский Совет рабочих депутатов. Молодое, имеющее всего лишь несколько дней от роду националистическое правительство показало свое истинное лицо. Как похоже это лицо на лицо бывшего русского царя Николая III! Только оно гораздо грязнее и коварнее».

Итак, 1 декабря немецкая полиция по указке временного правительства силой оружия разогнала заседание Рижского Совета рабочих депутатов. 6 декабря оно распорядилось открыть огонь по демонстрации рабочих Лиепайи, а затем призвало на помощь против революционных рижских рабочих английский флот. Временное правительство начало чинить расправу и над арестованными немецкими оккупационными властями коммунистами.

Так правительство Ульманиса шаг за шагом раскрывало свое антинародное лицо.

У буржуазного временного правительства не было ни гроша. Помощь империалистов Антанты в первые дни существования правительства, когда перемирие было только-только заключено, еще не могла быть сколько-нибудь ощутимой. Поэтому, как сказал Ульманис в речи 8 марта 1921 года, «волей-неволей пришлось вступить в переговоры с теми же немцами».

Архивные документы наглядно свидетельствуют о том, что «те же немцы» не отказывали своим марионеткам в денежных средствах. Ульманис неоднократно получал от Виннига ссуды на содержание государственного аппарата — всякий раз по полумиллиону марок. Помимо того ему предоставили специальные средства на организацию и содержание войсковых частей. Осмелся ульманисовцы выступить хоть с малейшим возражением против неограниченной власти оккупантов, они остались бы «на мели», без денег.

В декабре 1918 года власть немецких оккупантов в Латвии, как и в других оккупированных областях, сильно заколебалась. Германская армия была охвачена деморализацией. Возникали немецкие солдатские Советы. Началось освобождение Латвии от немецких оккупантов. *В этих условиях правительство Ульманиса, лишенное какой бы то ни было поддержки народа, продолжая опираться на немецких оккупантов, все определеннее искало спасения у империалистов Антанты.*

Еще до создания Народного совета и буржуазного временного правительства лидер Крестьянского союза

З. Мейеровиц, назначенный министром иностранных дел временного правительства, находился в Лондоне, куда он прибыл 12 августа 1918 года. Здесь он усердно искал поддержки «устремлениям» буржуазных националистов. В представленном правительству Англии 8 ноября заявлении он, как рассказывает Лиготню Екабс в своих мемуарах «Образование Латвийского государства» (стр. 401), обещал, что буржуазное правительство Латвии, когда оно будет создано, не остановится ни перед чем, чтобы не допустить в Латвии социалистической революции.

11 ноября Мейеровиц получил аудиенцию у министра иностранных дел Англии Бальфура, который снабдил его руководящими указаниями. Этим прежде всего и объяснялось то обстоятельство, что буржуазные партии и организации в Латвии, включая партию социал-демократов, удивительно быстро договорились между собой и сколотили Народный совет Латвии, сформировавший временное правительство во главе с верным слугой империалистов Антанты Ульманисом, который был избран министром-президентом единогласно.

О том, какие большие надежды возлагала латышская буржуазия на империалистов Антанты, свидетельствуют строки, появившиеся 13 ноября 1918 года, почти накануне провозглашения «независимой» Латвии, в газете «Лидумс»: «Союзники наконец-то обзались навести повсюду порядок и не допустить распространения большевизма. Поэтому в их интересах — защищать Прибалтику... Отсюда они быстрее всего могут добраться со своими армиями до Петербурга и Москвы, опираясь на воинские части, которые уже организовались на границах Прибалтики —

например, Псковскую армию — и которые могут возникнуть в Латвии и Эстонии в целях обороны страны и будут подчинены намеченным к созданию латышскому и эстонскому национальным временным правительствам».

Народный совет Латвии, избрав 17 ноября 1918 года своим председателем Я. Чаксте, поручил ему, как сказано в «Латышском энциклопедическом словаре», «организовать за рубежом оборону Латвии». В своей речи на заседании Народного совета 2 декабря Ульманис подчеркнул, что временное правительство «особые надежды возлагало на союзников, которые несли нам освобождение». Временное правительство, сказал он, надеется, что союзники окажут противодействие «той волне, которая накатывается из России». Далее Ульманис отметил, что у латышской буржуазии особая «психика, привыкшая ожидать распоряжений извне» (*Latvijas Tautas padome, 1920, стр. 19—20*).

11 декабря 1918 года буржуазная газета «Яунакас зиняс» писала, что союзники согласны оказать помощь Латвии и Эстонии при условии предоставления им известных привилегий в портовых городах — Риге, Лиепае и Таллине. Газета сообщала, что договоренность по этому вопросу уже достигнута, так что «можно смело рассчитывать на защиту со стороны союзников против большевиков».

Все определеннее ориентируясь на союзников, члены Народного совета Латвии и министры временного правительства заторопились за границу, для того чтобы установить с империалистами Англии, Франции и США более тесный контакт. Копенгаген, Стокгольм, Лондон и Париж стали важнейшими пунктами связи,

где, как писал в своих мемуарах «После 18 ноября» («Рѣс 18. novembra», стр. 6) О. Нонац, «Латвия должна была найти поддержку в своем несчастье».

Ульманис и министр финансов К. Пуринь 4 декабря рысью помчались в Таллин, так как поступили сообщения о появлении там английского флота. Однако оказалось, что рижские «туристы» прибыли преждевременно. Тогда Ульманис направился в Гельсингфорс (Хельсинки), где встретился с представителем США. Я. Чаксте и Г. Земгал выехали в Стокгольм, а Ф. Гросвалд — в Англию, где уже находился З. Мейеровиц.

Сыпавшиеся как из рога изобилия «туристы», метавшиеся из одного империалистического государства в другое, согласны были служить и продаваться всякому, кто проявлял малейшее желание использовать их в качестве своих наймитов.

«Англия окажет нам поддержку, — писала газета «Лидумс» 29 декабря 1918 года, — если мы сами организуем хоть сколько-нибудь серьезное сопротивление России. Тогда мы можем ожидать от Англии самой широкой поддержки — внешнего займа, оружия, боеприпасов, продовольствия, мануфактуры, дипломатической помощи и т. д., лишь бы мы сами оказались жизнеспособными и встали на собственные ноги. Приобрести дружественное ей и связанное с нею различными соглашениями государство на побережье Балтийского моря для Англии может быть только выгодно. Но тогда это государство действительно должно быть государством, а не какой-то бледной фикцией, которая ни на международной арене, ни внутри не в состоянии проявить никакой активности. Английскую поддержку Латвия может получить

только как государство. Если не будет государства, то не будет и помощи от Англии».

Как видим, ульманисы, чаксте и прочие враги латышских рабочих, безземельных, беднейшего и среднего крестьянства, чтобы спастись от гнева народа, в конце 1918 года, когда немецкие оккупационные войска оказались во власти деморализации и разложения, стали возлагать все бóльшие надежды на помощь империалистов Англии, Франции и США. Тем не менее наиболее реальной опорой латышской буржуазии и в этих условиях продолжали оставаться немецкие оккупанты; с ними правительство Ульманиса заключало предательские договоры, направленные против латышского народа, который шел за большевистской партией Ленина.

ОБРАТИВ ПРОТИВ ЛАТЫШСКОГО НАРОДА ШТЫКИ НЕМЕЦКИХ ОККУПАНТОВ И АНГЛИЙСКИЕ ПУШКИ...

В конце 1918 года трудящиеся Латвии, руководимые Социал-демократией Латвии, готовились к решающей борьбе против немецких оккупантов и их придатка — правительства Ульманиса. В начале декабря красные латышские стрелки перешли в наступление и приступили к освобождению территории Латвии. Деморализованные немецкие войска покатались назад. Положение буржуазного временного правительства стало критическим.

В этой обстановке правительство Ульманиса вместе с германским генеральным уполномоченным в Прибалтике Виннигом по указанию английских и амери-

канских империалистов попыталось организовать новые боеспособные воинские части, могущие заменить немецкую оккупационную армию. 7 декабря 1918 года правительство Ульманиса заключило с Виннигом договор, согласно которому оно взялось вместе с оккупантами, немецким дворянством и русскими белогвардейцами сформировать контрреволюционное воинское соединение — балтийский ландесвер. Он должен был включать роты, состоящие из немецких баронов, русских белогвардейцев и сынков латышских городских и сельских богатеев. От имени правительства договор подписал министр обороны Я. Залит.

Задачей ландесвера было вести борьбу против революционного латышского народа и встать непреодолимым барьером на пути красных латышских стрелков.

Вооружение и снабжение нового воинского формирования приняли на себя немецкие оккупационные власти, предоставившие правительству Ульманиса все необходимое в кредит. Командующий ландесвером в соответствии с договором должен был быть назначен каким-либо из нейтральных государств, причем считалось бы, что он состоит на службе у буржуазного Латвийского государства. На пост помощника командующего намечалось назначить латыша. На деле же все сложилось иначе: командующим ландесвером сначала был немецкий майор Флетчер, а позднее английский подполковник Александер.

Договор был заключен, но набрать в ландесвер солдат и офицеров оказалось делом весьма трудным. Объявленная в Риге 17—20 декабря 1918 года мобилизация офицеров и унтер-офицеров дала незначи-

тельные результаты — явилось всего лишь около 300 человек. Прибегнуть к всеобщей мобилизации временное правительство не решалось, отлично зная, что народ не поддерживает его. Министр внутренних дел М. Валтер, например, как рассказывает П. Залите (см. его книгу «Последыши немецкой власти в Латвии», стр. 39), высказался, что латышский народ, особенно молодежь, одобряет большевиков, в связи с чем мобилизация обратится против ее организаторов. Это понимал и министр торговли и промышленности С. Паэгле, который в своих мемуарах «Как становилось Латвийское государство» (стр. 236) писал, что «несознательные массы» были «слишком настроены против нового строя национальной независимости в пользу большевизма».

В таких условиях пришлось отказаться от всеобщей мобилизации и заняться вербовкой добровольцев. До конца 1918 года в Риге удалось сформировать лишь несколько латышских белогвардейских рот. Примерно так же складывалось положение с формированием немецких и русских рот.

Немецкие оккупационные власти снабдили латышские белогвардейские роты оружием и снаряжением, а также регулярно выдавали правительству Ульманиса денежные средства для содержания и оплаты войск. До начала января 1919 года буржуазное временное правительство получило на эти цели 2 250 000 марок.

Ища спасения у немецких оккупантов, вместе с ними пытаясь создать ландесвер, временное правительство без устали выпрашивало военную помощь и у империалистов стран Антанты.

6 декабря 1918 года Ульманис обратился с письмом

к командующему английским флотом в Балтийском море, прося прислать в Латвию вооруженные силы союзников — сухопутные и морские. Он просил помощи также и у США.

Латвия входила в состав «сферы влияния» Англии, и правительство Англии проявило чрезвычайную «отзывчивость». Ульманису была обещана помощь деньгами, оружием, продовольствием и одеждой.

18 декабря министры временного правительства совещались с адмиралом Синклером, который, как писал 23 декабря 1918 года официальный орган правительства «Пагайду валдибас вестнесис», обещал, что часть английских кораблей будет постоянно находиться в Риге. Синклер сообщил также, что он с согласия английского правительства в ближайшие дни направит на берег более или менее значительное число инструкторов для организации и обучения формируемой армии Латвийского государства. Газета «Яунакас зиняс», информируя о заявлении Синклера, писала 24 декабря, что «англичане не бросят Латвию на произвол судьбы».

Большая часть эскадры Синклера 19 декабря возвратилась в Лиепаяу, которая стала одной из главных баз английского военного флота на Балтике в годы гражданской войны. В Лиепайский порт прибыли также американские и французские военные суда.

Правительство Ульманиса и Народный совет Латвии с нетерпением ждали прибытия английских военных кораблей, в надежде, что они обратят дула своих пушек против революционного латышского народа.

Выступая на заседании Народного совета, представитель латышской республиканской партии Валдма-

нис с особой настойчивостью подчеркивал, что «только Англия, Америка, Франция смогут обеспечить нашу самостоятельность». В унисон с его речью прозвучали слова представителя латышской национал-демократической партии поэта Я. Акуратера, в 1905 году сочувствовавшего революции, но теперь активно выступавшего под знаменем буржуазного национализма: если погибнут «прославленные демократии» Франция, США и Англия, «то рухнет вся мировая культура» (*Latvijas Tautas padome*, 1920, стр. 43).

Трудящиеся Латвии ответили на появление английского флота в Лиепае и Риге выражением резкого протеста. Состоявшееся 17 ноября собрание рабочих Риги, требуя в своей резолюции вывода из Латвии немецких оккупационных войск, одновременно выразило протест против «прихода в Латвию банд англо-французских империалистов». Валкский, Лиепайский и Рижский Советы рабочих депутатов, обращаясь 13 декабря к Советской России и международному пролетариату за помощью в деле установления в Латвии Советской власти, указывали, что круги латвийской контрреволюционной буржуазии «призывают против рабочих Латвии англо-американских империалистов, военной силой которых они надеются спасти свою рушащуюся власть. Отдавая англо-американским империалистическим грабителям последние богатства разоренной, истоптанной войной Латвии, они льстят себя надеждой таким образом хоть на миг уберечь свое опирающееся на вооруженную силу господство над трудящимися. Еще не освобожденную от власти оккупантов Латвию контрреволюционная буржуазия продает более сильным новым поработителям. Рабочий класс Латвии не может допустить этого. . .».

Все определеннее обращая свои взоры на английских, французских и американских империалистов, латышские буржуазные националисты пытались укрыться от народного гнева за штыками немецких оккупантов, хотя немецкие оккупационные войска были деморализованы и отступали, оставляя один город за другим.

Винниг и командование немецкой VIII армии, преследуя в Латвии собственные империалистические цели, не хотели, чтобы немецкие оккупационные войска покинули Латвию. Поэтому они наряду с ландесвером начали спешно сколачивать добровольческие подразделения из немецких солдат, которые соглашались воевать и в дальнейшем. 21 ноября они приступили к формированию так называемой железной бригады, или железной дивизии, потребовав в то же время от правительства Ульманиса предоставить тем немецким солдатам, которые будут сражаться против Красной Армии на территории Латвии, латвийское подданство и право поселиться в Латвии.

Правительство Ульманиса вначале боялось удовлетворить требования немецких оккупантов. Поэтому оно снова и снова просило помощи у союзников. В этой связи представитель министерства иностранных дел Англии Босенкет 23 декабря созвал в Риге на борту английского крейсера «Принцесс Маргарет» совещание с участием Виннига, а также представителей командования немецкой VIII армии и буржуазного временного правительства Латвии. Англичане потребовали на совещании, чтобы вооруженные силы немецких оккупантов оставались в Прибалтике в количестве, достаточном для удержания их позиций. Винниг в ответ заявил, что германское правительство

само желает оставить немецкие войска в оккупированных областях и поэтому организует в Латвии железную дивизию и ландесвер.

С приближением красных латышских стрелков к Риге положение буржуазного временного правительства стало еще более критическим. Министр иностранных дел Мейеровиц 27 декабря направил президенту США Вильсону специальное послание, в котором просил Соединенные Штаты Америки принять участие в военной интервенции в Латвии, чтобы обеспечить свободный доступ к балтийским портам, воспрепятствовать дальнейшему распространению большевизма и создать между Советской Россией и странами Запада «санитарный кордон».

О том, как происходило формирование железной бригады и ландесвера, рассказывает Винниг. «Почти ежедневно, — пишет он, — ко мне являлись министры Ульманис и Валтер и просили позаботиться о лучшей обороне страны. Я, конечно, не мог ничего сделать сверх того, что уже сделал и продолжал делать. Латышские социалисты также приходили ко мне почти каждый день и обрабатывали меня в аналогичном направлении... Положение еще более усложнялось тем, что и собственные, т. е. латвийские, большевики все смелее поднимали голову».

Поскольку с каждым днем становилось все очевиднее, что запроектированная железная бригада представляет собой скорее доброе пожелание, нежели реальную вооруженную силу, Винниг уже 8 декабря отправился в Берлин, чтобы побудить правосоциалистическое правительство Германии послать в Прибалтику боеспособные войска. Представители германского правительства, особенно тогдашний прусский

военный министр Шеух, обещали Виннигу верную помощь.

В кругах временного правительства и Народного совета Латвии разразилась паника. Все же правительство не собиралось капитулировать. Оно готово было на любое преступление против латышского народа, лишь бы удержаться на поверхности.

Временное правительство пришло к выводу, что наступил момент для заключения с Виннигом еще одного преступного договора, согласно которому получили бы латвийское подданство и право поселиться в Латвии все немецкие солдаты, которые приняли бы участие в боях против Красной Армии на территории Латвии. Вопрос о договоре был поставлен на обсуждение межфракционного бюро Народного совета. На него дали свое согласие все представленные в совете партии, включая, естественно, и социал-демократическую. С заключением договора «в нынешний момент неотвратимой опасности» согласилась и Англия. Было намечено наберечь до 5000 немецких добровольцев.

Правительство Ульманиса 29 декабря заключило с Виннигом преступный договор. Первая статья его гласила: «Временное правительство Латвии согласно предоставить права гражданства Латвийского государства всем лицам, принадлежащим к армии иностранных государств, которые об этом заявят и которые по крайней мере 4 недели сражались в добровольческом корпусе за освобождение Латвии от большевизма». Договор подписали Винниг, Ульманис и министры временного правительства С. Паэгле и Я. Залит.

Этот заключенный предателями народа договор представлял немецким империалистам возможность продолжать осуществление планов колонизации Латвии и после поражения Германии в первой мировой войне. Подписав договор, буржуазные националисты затоптали в грязь право латышского народа на национальный суверенитет.

После заключения договора от 29 декабря Винниг, назначенный 26 декабря германским послом в Латвии, вторично отправился в Берлин. Правительство Германии выразило полное согласие с заключенным договором и поручило Виннигу без промедления приступить к вербовке в Германии добровольцев. В этих целях в Германии было организовано специальное бюро «Балтенланд», тесно сотрудничавшее с германским военным министерством. Тем не менее вербовка добровольцев в Германии проходила чрезвычайно туго.

Весьма жалкими успехами в деле формирования латышских белогвардейских рот могло похвалиться и буржуазное временное правительство, хотя оно и получило значительные суммы денег как от немецких оккупантов, так и от союзников.

Из донесения начальника обороны Видземской области министру обороны от 13 декабря видно, что сформировать роты на местах оказалось невозможным: жители не желали вступать в белогвардейские войска. В Валмиере было мобилизовано 5 человек, в Цесисе — 15, еще записалось 12 студентов. «Учитывая вышесказанное, — говорилось в донесении, — нет надежд за короткое время сформировать роты на местах; прошу предпринять соответствующие шаги, чтобы сформированные роты были присланы из Риги,

а также оружие — винтовки, пулеметы и снаряжение, а также артиллерия».

Но и в Риге положение было не лучше. Здесь до конца года с большим трудом удалось сформировать лишь три латышские белогвардейские роты. В одном из документов, вышедших из-под пера националистов, такое положение объяснялось тем, что большинство народа составляли-де «трусливые и темные люди». Узурпаторы, которые на шею латышского народа взгромоздились с помощью немецких оккупантов и империалистов Антанты, угрожали: «Временное правительство поступило бы преступно, продолжая упрямиться этот народ. Оно заставит его выполнить свой долг».

Ульманисовцы пытались завербовать в латышские белогвардейские роты не только хозяйских сынков и студентиков, но и освобожденных из немецкого плена умирающих с голоду рабочих. В этой связи Центральный Комитет СДЛ в нелегальной листовке «Рабочие, будьте бдительны!» предупреждал националистических вербовщиков: «Господа из временного правительства! Знаете ли вы, что делаете? Вы играете с огнем. Ваша белая гвардия может стать такой красной, что вы за ее румянцем света белого не увидите. Не забывайте, господа, что умирающие с голоду рабочие — тоже рабочие».

Предупреждение Центрального Комитета СДЛ подтвердилось. В ночь с 29 на 30 декабря две из трех набранных рот восстали, отказавшись выступить на фронт против красных латышских стрелков, хотя 29 декабря буржуазное временное правительство опубликовало следующее предупреждение: «Английский представитель велел сообщить, что те части го-

рода, где возникнут волнения, будут обстреляны английскими кораблями из орудий».

О восстании солдат правительство Ульманиса поспешило довести до сведения командования английского флота и немецкого военного начальства, требуя подавить восстание и расформировать восставшие роты. Представители английского командования, немецких властей и буржуазного временного правительства на совместном совещании разработали план подавления восстания. Разоружить восставшие роты было приказано подразделениям железной бригады и ландесвера при участии третьей, не выступившей на стороне восставших латышской роты. Эти силы поддерживались орудиями английских военных кораблей.

Казармы восставших рот были окружены, и в 7 часов утра 30 декабря пушки английских кораблей открыли огонь, выпустив 10 снарядов.

Восставшие были вынуждены сдаться. С песней они, сдав оружие, вышли из казарм на улицу. Были арестованы 191 солдат и 2 офицера. Все они под строгой охраной немецких оккупантов были заперты в Цитадельской тюрьме. Суд был скорым. По указанию немецких властей и правительства Ульманиса англо-немецко-латышский смешанный военный суд приговорил 11 солдат к расстрелу; 90 солдат были заключены в тюрьму, а остальных расформировали.

Вот как действовало правительство «независимой Латвии». Даже своих собственных солдат оно передавало для суда немецким оккупантам и английским империалистам.

Советское правительство Латвии во главе с Петром Стучкой, находившееся в это время на пути в Ригу,

PASAULY VALDIBAS S. D. S.

2. janvārī 1919. g.

Jaigava

sēdi atklāj 7 30 vakarā

K l a b t:

Ministru Prezidents	K. ULM NIS.
Ārlietu Ministrs	J. SABLITS.
Sanāksmes Ministrs	Dr. H. WALTERS.
Satiksmes un Darbu Ministrs	T. HERMANOVSKIS.
Satiksmes un Darbu Ministrs bestris	A. TRAMACKS.

Priekšā - Pagaidu Valdības Kanceļājas Pārvaldnieks B. MUDSITS.
Sēdes protokolā Pagaidu Valdības pilnvarotais Jaigava
E. PAULIUS un Tautas Padošne loceklis A. SĪS un FEIDMAKS.

1) Ministru Prezidents pieņēma referē par Pagaidu valdības darbību Rīgā pabeidzot nolikuma, kas izstrādāts attiecībā uz Latvijas armijas organizāciju, Rīgas pašvaldību un citu apdzīvotību un Pagaidu valdības, tāpat kājas Tautas Padošne organizāciju no Rīgas un Kurzemes.

Ārlietu Ministrs J. Sablits ziņoja par frontes stāvokli. Mēkl pēc atkārtotām, ka arī Jaigavas stāvoklis ir stipri apdraudēts; ka Jaigava mēkl 3. Latvijas strahinēšu pulka, karoch ir dotājam stipri; vajadzīgu spēku, ka pretis stādī, kas, kasme kara spēkas ir pilnīgi demoralizēti, kas izstrādā pēdējā laikā stipri latviešu armija īkma laikā un demoralizēti. Sēdes latviešu tauta ir stipri demoralizēta, kas nolūki šķembai armijai sastādīti. Stāvoklis kara grūtākos stādī tad, ja mēklis pēdējā laikā stipri atkārtoti no karoches, t. i. no Sabiedrotānu, izstrādā armijai Rīgā armijai; kas rind, 2. janvārī.

Kanceļājas Tautas Padošne loceklis stādī Pagaidu valdības pēdējā laikā par pēdējo, ka kara laikā paliet Jaigava mēkl 1. l. karoch kas demoralizēti, ka kas dotājam un Latvijas kara, kasme, kasme turēti 2 - 3 pulka pulka Jaigava

Протокол заседания буржуазного временного правительства Латвии от 2 января 1919 года. На этом заседании министр обороны Я. Залит заявил, что латышский народ настроен большевистски и что временному правительству необходима значительная военная помощь со стороны союзников

выступило с протестом против обстрела города орудиями английских военных кораблей. В его заявлении «Всем, всем, всем» говорилось: «В Риге и во всей Латвии происходит революция против ненавистного временного правительства, за которым, как известно, не стоит никто, если не считать небольшую, выдвинувшуюся благодаря случаю клику лиц, за кем на выборах шло не более 10 процентов избирателей... Рига и Латвия в своем подавляющем большинстве — за рабочее правительство, и от него их не отпугнет десяток-другой английских и немецких бомб. Не запугают их и смертные приговоры, угрожающие в Риге латышским солдатам, которые честно отказались выступить против своих братьев-революционеров. Неужели и впрямь немецкий и английский рабочий класс не поднимет свой голос протеста против подобных подлостей? Больше мешкать нельзя: на них лежит ответственность за их правительства!»

После подавления выступления восставших латышских рот английский военный флот обещал оказать правительству Ульманиса усиленную помощь в деле защиты и обороны Риги и ее ближайших окрестностей. Правительство Ульманиса заключило с буржуазным правительством Эстонии и белогвардейским «Русским национальным комитетом» союз, имевший целью создание единого фронта для борьбы с большевиками. Во главе союза должно было находиться лицо, которое рекомендовали бы союзники.

Но было уже слишком поздно.

Латышские красные стрелки — славные сыны латышского народа, спешившие на помощь своему многострадальному народу, уже находились на подступах к Риге.

НАД РИГОЙ АЛЕЕТ КРАСНОЕ ЗНАМЯ — «ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ» БЕГУТ

Революция в Германии и аннулирование Брестского мирного договора способствовали бурному назреванию в Латвии революционной ситуации, в связи с чем на повестку дня был поставлен вопрос об установлении Советской власти во всей Латвии.

Центральное бюро коммунистических партий оккупированных немецкими войсками областей обратилось к трудящимся Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии и Польши с воззванием «В последний бой!», в котором указывалось, что революция в центре Европы кладет конец немецкой оккупации. Час освобождения пробил, говорилось в воззвании. «Мы должны строить мост между пролетарской Россией и пролетарской Австрией и Германией. Мы должны стать тем звеном, которое соединит все революционные силы в борьбе против буржуазной контрреволюции, в борьбе за социализм».

18 и 19 ноября 1918 года в Риге состоялась нелегальная XVII конференция Социал-демократии Латвии, *разработавшая конкретный план подготовки и проведения вооруженного восстания*. Конференция признала необходимой организацию вооруженных боевых дружин и создание особого боевого штаба — Военно-революционного комитета Латвии, который должен был взять на себя практическую подготовку вооруженного восстания и руководство им. Возглавляли ВРК член Центрального Комитета СДЛ Я. Шилф-Яунзем и Я. Зуковский (Теодор).

Выполняя решения конференции, СДЛ развернула энергичную подготовку вооруженного восстания.

В боевые дружины вступали все члены партии, способные сражаться с оружием в руках. Партия взяла на себя заботу о вооружении рабочих.

Правительство Ульманиса попыталось отобрать у рабочих оружие. В этой связи Центральный Комитет СДЛ в нелегальной листовке «Рабочие, будьте бдительны!» писал: «Прихвостни Валтера — Ульманиса прибегают к последнему средству — разоружению рабочих. Уже целую неделю «национальная» полиция хватается на улицах рабочих, задерживает прохожих, окружает и подвергает обыску целые улицы, но тщетно. Бурю петлей не поймать... Рижских рабочих вам не разоружить!.. Недалек час, когда орудия порабощения будут обращены против поработителей. Долой буржуазное временное правительство! Долой капиталистическое рабство! Да здравствует вооружение рабочих! Да здравствует совместная борьба рабочих Латвии и России!»

На оккупированной немцами территории Латвии начали создаваться *Советы рабочих и безземельных депутатов*. Первые Советы возникли уже в первой половине ноября 1918 года, а в конце ноября и в декабре Советы были созданы во всей Латвии. Валкский, Лиепайский и Рижский Советы рабочих депутатов, обращаясь к Советской России и международному пролетариату, отмечали, что «трудящиеся Латвии как до оккупации, так и теперь, когда оккупационный режим разваливается, вопреки всем воздвигаемым имущими классами препятствиям настойчиво строят свои Советы и единственно их уполномочивают быть выразителями воли населения Латвии».

Центральный Комитет СДЛ разъяснял рабочим и безземельным, что они «должны действовать, следуя

примеру рабочих России», что вся власть должна перейти в руки Советов и Латвия должна стать социалистической советской республикой.

В Латвии повеяло свежим ветром. Рабочий люд с надеждой обращал свои взоры на восток. В борьбе за восстановление Советской власти *на помощь трудящимся Латвии спешили полки красных латышских стрелков и другие части Красной Армии.* Собрания рабочих и безземельных, а также Советы приветствовали освободителей трудящихся Латвии, заявляя, что «своими стражами и вооруженной силой» считают одних лишь революционных латышских стрелков.

Черные вороны — латышские буржуазные националисты — подняли истерический вой по поводу надвигающейся-де с востока темной ночи. «С востока грядет день, — твердым голосом заявил Центральный Комитет СДЛ, — светлее, чем когда-либо. С востока идет социалистическая армия России. Это армия рабочего класса. С ней возвращаются и латышские стрелки. Они спешат на помощь латышскому трудовому народу. Они идут, чтобы помочь нам строить новую, свободную социалистическую Латвию».

Стремительное победное шествие социалистической революции поставило вопрос о необходимости создания *Советского правительства Латвии.* Центральный Комитет СДЛ решил не ждать освобождения всей территории Латвии и созыва Вселатвийского съезда Советов и немедленно сформировать временное Советское правительство Латвии. 4 декабря 1918 года ЦК СДЛ после совещания с представителями Рижского, Валкского и Лиепайского Советов рабочих депутатов утвердил временное Советское правительство Латвии в составе 9 человек. Председателем

правительства был назначен один из основателей Коммунистической партии Латвии, соратник Ленина Петр Стучка, его заместителями — широко известные руководящие работники СДЛ Ян Ленцманис и Юлий Данишевский. В своем датированном 17 декабря Манифесте временное Советское правительство провозгласило переход всей власти в Латвии в руки Советов рабочих и безземельных депутатов. Манифест объявлял о свержении немецких оккупационных властей и временного правительства Ульманиса и признании недействительными всех их постановлений и распоряжений, сообщал об отмене частной собственности на землю и немедленном введении 8-часового рабочего дня. Временное Советское правительство Латвии призвало трудящихся Латвии с оружием в руках изгнать немецких оккупантов и латышское буржуазное временное правительство.

Трудящиеся города и деревни горячо приветствовали создание временного Советского правительства Латвии. Так, состоявшиеся 21 и 27 декабря собрания безземельных Лиелсесавской, Швитенской и Межотненской волостей, в которых приняло участие от 300 до 500 человек, направляя правительству «самый горячий братский привет», заявили, что их участники встают под знамя правительства и «готовы в любой момент отстаивать с оружием в руках это красное знамя рабочего класса, обогретенное кровью наших лучших товарищей».

Правительство Советской России, руководствуясь положениями марксизма-ленинизма по национальному вопросу, признало независимость Советской Латвии. 22 декабря Ленин подписал декрет, согласно которому высшей государственной властью в Латвии

признавалась «власть Советов Латвии, до съезда же Советов — власть правительства рабочих, безземельных и стрелков Латвии, возглавляемого тов. Стучкой». 23 декабря этот декрет был утвержден Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом.

Глава Советского правительства Латвии Петр Стучка указывал, что признание независимости Советской Латвии не означает обособления ее от Советской России, что суть этого признания в том, чтобы Советскую Латвию «объединить в одну великую Советскую республику с Россией и всем остальным социалистическим миром», объединить на основах равенства.

Фундамент Советской Латвии был заложен в ожесточенной борьбе с немецкими оккупантами, империалистами Антанты и «своей» продажной буржуазией. В этой борьбе рабочие, безземельные, беднейшие крестьяне и середняки Латвии боролись плечом к плечу с многонациональным пролетариатом России. Рабочие Латвии были убеждены в том, что в тесном братском союзе с Советской Россией они сумеют успешно строить социализм в Советской Латвии и вести борьбу против международного империализма.

Между тем положение буржуазного правительства с каждым днем становилось все более критическим. 27 декабря 1918 года состоялось заседание правительства, на котором на обсуждение был поставлен вопрос об оставлении Риги. Министр обороны Я. Залит заявил: «После падения Риги сразу же падет и Курземе. Спасти положение может только помощь со стороны союзников». Министр-президент Ульманис

предложил до 17 часов дня 27 декабря составить список лиц, которым надлежит спешно покинуть Ригу.

События развивались стремительно. 1 января 1919 года правительство Ульманиса получило сообщение с фронта о том, что немецкие войска отступают и латышские красные стрелки подходят к Риге. Помимо того от командования английского военного флота поступило в запечатанном конверте спешное уведомление, которое, как рассказывает О. Нонац («После 18 ноября»), сразу же в корне изменило ситуацию. Английское командование заявляло, что получило от своего правительства указание в данный момент не вмешиваться во внутренние дела Латвии. Ульманис немедленно бросился к английскому адмиралу Синклеру, который, как замечает О. Нонац, «очевидно, без особого удовольствия» подтвердил написанное в уведомлении. Правительству Ульманиса оставалось только одно — по возможности быстрее бежать из Риги. После заявления командования английского военного флота, пишет О. Нонац, «организация какого бы то ни было сопротивления . . . отпала сама по себе. Все надежды рухнули, остается только трудное решение — об оставлении Риги».

Буржуазия, писал «придворный поэт» Ульманиса Э. Вирза («Лидумс» от 31 декабря 1918 года), «так неповоротлива и инертна, что напоминает труп. Но теперь наступил крайний срок для того, чтобы встряхнуть этот труп и поднять его на ноги. Не было недостатка в красивых словах и призывах со стороны правительства и всех активных сил народа, но все они прозвучали, как глас вопиющего в пустыне».

Охваченные ужасом черные вороны спасались бегством. Бóльшая часть членов Народного совета Латвии

успела укрыться на транспортном судне «Майга», которое было выведено в море под прикрытием эскадры адмирала Синклера. Остальные под охраной немецких войск специальным поездом отправились через Елгаву в Лиепаяю.

В ночь со 2 на 3 января 1919 года началось восстание пролетариата Риги. После полудня 3 января Рига уже находилась в руках восставших рабочих.

3 января в Ригу вошли героические красные латышские стрелки. Военно-революционный комитет Латвии и Риги издал под вечер свой «Бюллетень» № 2, в котором сообщал, что Рига — в руках восставших рабочих и вступивших в город полков Красной Армии и что «теперь в Риге распоряжается революционный пролетариат».

Рано утром 4 января в Ригу прибыли глава временного Советского правительства Латвии Петр Стучка и товарищ председателя правительства Юлий Данишевский.

«В целом восстание в Латвии, — писал впоследствии П. Стучка, — проводилось по инициативе пролетариата, а вооруженная сила была лишь поддержкой, опорой».

После освобождения Риги части Красной Армии продолжали наступление, чтобы освободить Курземе. Здесь, как и в Видземе, всю власть взяли в свои руки вооруженные рабочие и безземельные. К концу января 1919 года Советская власть установилась по всей Латвии, за исключением Лиепайи и прилегавшего к ней района.

А что делали черные вороны?

Они были обеспокоены судьбой своих главарей, так как транспортное судно «Майга» пропало в море.

Оно прибыло в Лиепаяу лишь по прошествии шести дней. Оказалось, что пароход в море заблудился. Ввиду отсутствия балласта его долго швыряли волны, пока, наконец, какое-то немецкое судно не привело «Майгу» в Лиепайский порт.

Представители немецких оккупационных властей всегда взирали на марионеточное правительство Ульманиса с ухмылкой, а теперь, когда правительство «подалось в бега», отношение должностных лиц из администрации оккупантов к временному правительству, пишет О. Нонац, «стало определенно вызывающим, они давали понять, что не собираются сколько-нибудь считаться с временным правительством» («После 18 ноября»).

«Когда мы приехали в Елгаву, — рассказывает дальше все тот же О. Нонац, — немецкие представители стали выдвигать все бóльшие требования. Когда они требовали там от нас чего-либо, они говорили: смотрите, у вас ведь, собственно говоря, ничего нет, Ригу, свою столицу, вы оставили, да вы и без средств, ...что вы в будущем будете делать без нас, ваших друзей? Мы даруем вам свою дружбу, более того — мы дадим вам денег, сколько бы вам ни было нужно. Если вам требуется 200 миллионов марок, мы их вам предоставим. А желаем мы всего лишь ничтожной мелочи: обещайте и подпишитесь в том, что вы дадите землю 50 000 немецких солдат. В Риге было 5000 солдат, требовавших земли, в Елгаве — уже 50 000» («После 18 ноября», стр. 44).

Переговоры Виннига с Ульманисом по вопросу о наделении немецких добровольцев землей начались 4 января 1919 года. Винниг писал о них: «Предложения министра-президента Ульманиса заходили при

этом дальше моих, поскольку моими предложениями предусматривалось предоставление 60—80 пурных мест земли, тогда как он считал необходимым предоставить от 100 до 200 пурных мест» («Рейниш-вестфелише цейтунг», 2 октября 1919 года).

По пути в Лиепая правительство Ульманиса вечером 2 января провело в Елгаве заседание, на котором министр обороны Я. Залит выступил с сообщением о положении на фронте. Как записано в протоколе заседания, он пришел к выводу, «что и положение Елгавы находится под большой угрозой; на Елгаву идет 3-й латышский стрелковый полк, который довольно силен; сил, необходимых для противопоставления ему, нет. Немецкие войска полностью деморализованы, сформировать достаточно сильную латышскую армию в короткий срок не представляется возможным. Наконец, латышский народ в очень большой степени проникнут большевистскими настроениями, это препятствует созданию надежной армии. Положение могло бы измениться лишь в том случае, если бы удалось получить достаточно сильную поддержку извне, т. е. от союзников».

Итак, буржуазное временное правительство практически не располагало никакими собственными войсками, которые оно могло бы выставить против наступающих красных латышских стрелков. Вся его «армия» при оставлении Риги состояла из двух неполных рот батальона полковника Калпака. Приток добровольцев в воинство латышских белогвардейцев оказался ничтожным. Помимо того, как рассказывает П. Берзинь в своей книге «Освободительная война Латвии в 1918—1920 гг.» (Latvijas brīvības cīņas 1918.—1920. Рига, 1928, стр. 14 и 19), солдаты

сформированной в Елгаве белолатышской роты, которым приказано было направиться в Лиепаяу, разбрелись в разные стороны. Сколоченная в Тукумсе рота перешла на сторону местного пролетариата, который взял в свои руки власть в городе еще до подхода красных латышских стрелков. Пришлось расформировать роту в Лиепаве, поскольку она, как свидетельствует О. Нонац («После 18 ноября», стр. 22), оказалась ненадежной. Характеризуя белолатышские роты, О. Нонац вынужден был отметить, что «собственные силы латышей вообще не таковы, чтобы на них можно было полностью положиться» (там же).

2 января 1919 года, когда правительство Ульманиса заседало в Елгаве, возлагая все свои надежды на помощь союзников, министр иностранных дел этого правительства З. Мейеровиц уже заботился об этой помощи в Лондоне. Он «почтительнейше» обратился к правительствам Франции, Англии, Италии и Японии с просьбой предоставить буржуазному правительству Латвии заем в сумме 15 миллионов фунтов стерлингов, предлагая в залог латвийские железные дороги и леса Латвии. При этом Мейеровиц подчеркивал, что заем нужен правительству прежде всего для борьбы с большевиками.

Положение предателей народа в Лиепаве было самым жалким. Они не смели появляться на улице — прохожие плевали им вслед. У каждого, пишет О. Нонац, было уже готовое суждение относительно правительства: «по-разному могло поступать временное правительство, но только не так, как оно поступило. Нет веры в новое государство, каждый дрожит только за свою судьбу» («После 18 ноября», стр. 18).

7 января 1919 года в Лиепаве состоялось заседание

временного правительства Ульманиса, на котором с сообщением о положении в Лиепаве выступил уполномоченный правительства по Гробиньскому уезду и Лиепаве. Что хорошего мог он рассказать министрам? Чем мог он успокоить их тревогу? В нашем распоряжении имеется протокол заседания правительства, написанный «управляющим канцелярией» временного правительства Д. Рудзитом. О чем же доложил уполномоченный? Согласно протоколу, он «находит, что положение в Лиепаве ненадежно и большая часть латышского населения симпатизирует большевикам. Обеспечить положение в городе можно было бы лишь путем введения военной диктатуры... В деревне положение также неблагоприятно».

Это, конечно, не могло уменьшить тревогу министров. Паника в «правительственных кругах» не только не шла на убыль, а, наоборот, все возрастала.

Предоставим слово протоколу: «Товарищ министра внутренних дел А. Бирзниеку находит, что при нынешней ситуации оборона Лиепавы в течение более или менее продолжительного срока технически невозможна, если не будет поддержки со стороны союзников. Министр юстиции Юрашевский присоединяется к Бирзниеку. Также и министр обороны Я. Залит. Министр путей сообщения Хермановский выступает за организацию обороны, если существует возможность продержаться 2—3 недели, т. е. до того времени, когда можно будет получить определенный ответ от союзников относительно того, готовы ли они оказать нам поддержку и в каком объеме они готовы это сделать».

Сам Ульманис поднял вопрос об установлении с союзниками более тесных связей путем посылки за

границу специальной делегации. Утопающие хватались за соломинку...

Немецкие оккупанты объявили в Лиепае осадное положение и стали открыто проявлять стремление устранить ульманисовцев со сцены. «В Лиепае, — рассказывает О. Нонац, — распоряжалась чужая власть, которая хотела во что бы то ни стало сбросить латвийское правительство и целиком подавить его». Над этим «правительством» открыто издевались, оккупанты начали отнимать у белолатышских солдат оружие.

Для «черных воронов» становилось опасно оставаться и в Лиепае. Что принесет завтрашний день? Бежать, только бежать! Куда? В западном направлении. Было предусмотрено, что конечной точкой для делегаций временного правительства, отправляющихся добиваться помощи у союзников, являлся Париж. Но правительственные «деятели» не могут выбраться из Лиепаи. Отъезд был намечен на 10 января 1919 года, однако ульманисовцев не пустили на пароход: в их документах отсутствовала подпись председателя немецкого солдатского Совета. Раз так, решили 11 января попытаться уехать поездом. Но и тут «деятели» временного правительства постигло разочарование: им просто не продали билетов.

Ненавидимое и презираемое латышским народом правительство предателей готовилось бежать из Латвии, преданной и проданной им империалистическим хищникам. Оно собиралось бежать, чтобы за границей еще теснее связаться с союзниками — своими единственными спасителями.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА ЛАТВИИ И ЕЕ ВРАГИ

В январе 1919 года почти на всей территории Латвии установилась Советская власть. Изгнанные с латвийской земли немецкие оккупанты были прижаты к морю в районе Лиепайи, где нашло прибежище и правительство Ульманиса — правительство предателей народа.

Уже 13 января, в годовщину кровавых событий 1905 года, в Риге открылся I съезд Советов рабочих, безземельных и стрелков объединенной Латвии, на который был приглашен Владимир Ильич Ленин. Впервые в своей истории Рига стала столицей Советской Латвии.

Сердечно приветствуемый делегатами, с краткой, но яркой речью на съезде выступил выдающийся соратник Ленина Я. М. Свердлов. Основное внимание он уделил нерушиму боевому союзу латышского и русского пролетариата. «Товарищи, — сказал Я. М. Свердлов, — ни с одной другой частью мира мы не связаны так тесно, как связаны с Красной Латвией ...ни с кем мы так не связаны, как со стрелками Латвии». В адрес съезда поступили братские приветствия от Советских правительств Украины и Эстонии, от Петроградского Совета, от Я. Фабрициуса, И. Вацietиса и др. Работа его прошла под знаком пролетарского интернационализма и дружбы народов.

I съезд Советов объединенной Латвии провозгласил Советскую власть на всей территории Латвии, принял первую советскую Конституцию Латвии и основал Социалистическую Советскую Республику Латвии. Выступая на съезде, глава правительства Советской

Латвии Петр Стучка подчеркнул: «Главное — мы не должны забывать, что мы не одни: с нами стоит Советская Россия».

Сознательный авангард латвийского пролетариата — Социал-демократия Латвии, которая на своем VI съезде в марте 1919 года приняла наименование Коммунистической партии Латвии, сознавала, что славное революционное прошлое пролетариата Латвии возлагает на Социалистическую Советскую Республику Латвии важные и ответственные задачи — стать образцовой советской республикой.

Однако трудящимся Советской Латвии пришлось возводить светлое здание социализма в чрезвычайно тяжелых условиях: в 1915 году была эвакуирована во внутренние районы России крупная промышленность Риги и наряду с этим Латвию покинула основная масса промышленных рабочих, Латвия была совершенно разорена в результате длительных военных действий, к тому же строить новую жизнь приходилось в прифронтовой обстановке. Рабочие Латвии вынуждены были строить социализм, держа в одной руке молот, а в другой — винтовку. Рабочий не должен был забывать, что он одновременно является стрелком, стрелок же всегда должен был помнить, что он также и рабочий.

Несмотря на переживаемые огромные трудности, революционный пролетариат Латвии не терял уверенности в том, что в тесном братском союзе с Советской Россией он сумеет на месте старой рабской Латвии создать свободную Латвию трудящихся.

Для строительства социализма необходим был мир. Так же как возглавляемое Лениным правительство Советской России с первых дней своего существования

боролась за мир, так и Советское правительство Латвии 8 февраля 1919 года обратилось к правительствам Германии и стран Антанты с призывом заключить мир. В телеграмме Советского правительства Латвии указывалось, что рабочие Латвии, составляющие $\frac{1}{5}$ ее населения, «желают мирно заниматься внутренним строительством, чтобы в неутомимом труде залечить раны, нанесенные войной, которая так безжалостно прошла по Латвии». Поэтому, говорилось в телеграмме, правительство согласно вступить с любой страной в переговоры относительно заключения того или иного соглашения.

В своем созидательном труде трудящиеся Советской Латвии, руководствуясь указаниями ленинской партии, учением марксизма-ленинизма, опирались на опыт, накопленный за полтора года Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой, а также на тот небольшой опыт, который приобрели рабочие, безземельные и беднейшие крестьяне Латвии в конце 1917 и начале 1918 года, когда Советская власть существовала в неоккупированной части Латвии.

За первые месяцы 1919 года Советская власть в Латвии национализировала промышленные и торговые предприятия, средства транспорта и банки и осуществила большую работу по восстановлению разрушенной промышленности и транспорта.

«Мы, — писал П. Стучка, — находясь в 20 верстах от фронта, открывали фабрику за фабрикой, мастерскую за мастерской». Советская власть за короткий срок ликвидировала безработицу. Она конфисковала помещичьи земельные владения и национализировала всю землю, конфисковала и национализировала также

весь инвентарь, принадлежавший помещикам и бежавшим контрреволюционерам. При распределении продовольствия руководствовались классовым принципом — больше всего получали рубочие, занятые тяжелым физическим трудом, меньше всего — буржуазия.

25 апреля 1919 года Советское правительство Латвии издало декрет об изгнании с территории Латвии вековых угнетателей латышского народа — немецких баронов. В декрете указывалось, что «прибалтийское дворянство является самым реакционным сословием во всем мире и целыми столетиями почти без исключения вело бесчеловечную борьбу с рабочим народом» и что поэтому «члены дворянских родов обязаны навсегда оставить пределы Латвии».

Советская власть в Латвии осуществила важные мероприятия в области строительства социалистической культуры — была создана единая социалистическая трудовая школа, основана первая советская Высшая школа Латвии, Оперный театр, Рабочий театр и другие культурно-просветительные учреждения. Великому поэту рабочего класса Райнису, который еще находился в эмиграции, ЦК КПЛ по предложению П. Стучки назначил пожизненную пенсию.

С установлением в Латвии Советской власти перед латышским народом открылись светлые перспективы.

Строительство социализма в Советской Латвии, так же как и во всей Советской России, происходило в обстановке ожесточенной классовой борьбы. Помещики и капиталисты не желали примириться с утратой своего имущества и привилегий. Ведя отчаянную борьбу против Советской власти, они прибегали к саботажу, занимались шпионажем, отказывались выпол-

пять распоряжения советских органов, сколачивали вооруженные антисоветские банды, терроризировавшие советских работников.

Но внутренняя контрреволюция не была в состоянии сколько-нибудь серьезно угрожать существованию Советской власти в Латвии. Во много раз большую опасность представляли вооруженные силы иностранных интервентов, которые стягивались у границ Латвии для борьбы не только с Советской властью в Латвии, но и против первого в мире государства рабочих и крестьян — Советской России.

В начале 1919 года немецкие оккупанты вместе с правительством Ульманиса были почти полностью изгнаны из Латвии и сумели удержаться лишь на побережье вблизи Лиепай. Здесь они в соответствии с настояниями империалистов стран Антанты начали концентрировать силы для борьбы с большевиками.

После заключения Компьеньского перемирия и окончания первой мировой войны борьба немецких империалистов против Советской России приобрела новое качество: она стала превращаться в составную часть иностранной военной интервенции, которую английские, французские и американские империалисты еще с весны 1918 года развернули против первого в мире социалистического государства — Советской России.

Правительство Германии приступило к усилению своих войск, расположенных в районе Лиепай. Поскольку вербовка добровольцев в Латвии оказалась неудачной, их стали набирать в самой Германии. Помимо жалованья, которое уплачивало им Германское государство, добровольцы должны были получать ежемесячно по 120 рублей от буржуазного правительства

Латвии. Из Германии прибывали все новые и новые воинские части. 14 февраля 1919 года, например, в Лиепайский порт вошел немецкий пароход «Ганновер», доставивший 754 солдат и 257 лошадей, в конце же февраля в районе Лиепай уже находилась I-я гвардейская резервная дивизия в составе 32 000 человек. Навербованными в Германии добровольцами была значительно усилена «железная дивизия». Разросся и ландесвер, в марте 1919 года в нем насчитывалось 4500 человек.

В феврале — марте 1919 года в районе Лиепай уже находились значительные вооруженные силы, в основном состоявшие из немецких частей. Командующим немецкими войсками в Лиепайе был назначен палач финляндской революции, реакционный германский генерал фон дер Гольц, 1 февраля прибывший в Лиепай.

Буржуазное временное правительство находилось в жалком состоянии. Оно, как выражались сами буржуазные националисты, «висело в воздухе». У правительства не было ни денег, ни своих войск, ни резиденции. Его разместили на пароходе «Саратов» под охраной студенческой роты.

Продолжая опираться на немецкие штыки, правительство Ульманиса все настоятельнее просило помощи у английских, французских и американских империалистов. После того как 8 января 1919 года оно приняло решение послать за границу в этих целях нескольких министров, 12 января в Копенгаген в сопровождении двух министров направил свои стопы Ульманис, а в Стокгольме выпрашиванием помощи занялись председатель Народного совета Латвии Я. Чаксте и его заместитель Г. Земгал.

Американское посольство в Копенгагене сообщало государственному департаменту США, что Ульманис просит послать в Латвию войска союзников, разместить в Лиепае союзный военный флот, а также разрешить вербовку в странах Антанты 10 000 добровольцев, которые сражались бы в Латвии против большевиков и могли бы стать ядром армии буржуазной Латвии. Он просил оружия, снаряжения и продовольствия, обещая уплату гарантировать лесными богатствами Латвии. Кроме того, Ульманис просил послать в Прибалтику миссию союзников.

На добывание помощи за границей направляли свои устремления также министр иностранных дел правительства Ульманиса З. Мейеровиц и дипломатический представитель правительства в Лондоне Г. Бисениек. Делегация Латвии на Парижской мирной конференции просила предоставить буржуазной Латвии заем в размере 15 миллионов английских фунтов.

В целях согласования военных действий в борьбе против большевиков Ульманис заключил союз с буржуазными правительствами Эстонии и Литвы, причем от Литвы он получил также 5 миллионов марок в виде займа.

Правительство Ульманиса лезло из кожи вон, пытаясь сколотить белолатышские воинские части. Объявленная в прилегающей к Лиепае сельской местности принудительная мобилизация провалилась, так как население бойкотировало ее. Проводить всеобщую мобилизацию в Лиепае временное правительство опасалось, сознавая, что рабочие, получив оружие, обратят его против своих угнетателей. В итоге формирование белолатышских частей практически не подвигалось вперед: если в середине февраля 1919 года на фронте

находилось несколько рот полковника Калпака — 375 человек, то до конца марта их число увеличилось лишь до 850.

В первые дни марта 1919 года начался *общий поход Антанты и белогвардейцев* против Советской России, главной ударной силой которого были полчища Колчака в Сибири. Приказ двинуться на Советскую Россию получили и все остальные наемные иностранные интервенты. 3 марта началось генеральное наступление немецких войск в Курземе. Они имели большой перевес в силе и 10 марта заняли Салдус, 15 марта — Тукумс, а 18 марта — Елгаву. Немцев удалось остановить лишь в нескольких десятках километров от Риги. Поддерживаемые империалистами, в Северной Латвии активизировали военные операции белоэстонцы, а Даугавпилсу с середины апреля начали угрожать войска панской Польши.

Говоря об успехах, достигнутых войсками интервентов в ходе их наступления в Курземе, командующий английским военным флотом на Балтийском море Коуэн заметил, что это было именно «то, что нужно было тогда».

В. И. Ленин, выступая 3 апреля 1919 года на чрезвычайном заседании пленума Московского Совета по вопросу о международном и внутреннем положении Советской России, отмечал, что в Латвии немцам с севера «...помогают эстонские белогвардейцы на деньги, которые посылает Англия, при помощи добровольцев, которых посылают шведы и датчане, насквозь подкупленные миллиардерами Англии, Франции и Америки. Они действуют по совершенно ясному для нас общему плану, пользуясь тем, что в Германии они кровавыми подавлениями ослабили движение

спартаковцев и революционеров. И хотя они чувствуют, что дышат на ладан, они все же сочли момент достаточно удобным для использования, для того чтобы предоставить Гинденбургу часть войск и усилить натиск с запада на истерзанную, измученную Латвию и угрожать нам» (Полное собр. соч., т. 38, стр. 247).

Правительство Советской России не могло оказать Советской Латвии необходимую военную помощь, так как все главные силы Красной Армии были брошены на Восточный фронт для борьбы с армиями Колчака. Именно здесь решалась судьба Советской России, а вместе с тем — и Советской Латвии.

Все же трудящиеся Советской Латвии в тесном содружестве с остальными народами России внесли ощутимый вклад в дело защиты колыбели социалистической революции — Советской России — против наступления иностранных интервентов. Своей самоотверженной борьбой рабочие, безземельные и беднейшие крестьяне сорвали планы интервентов, намеревавшихся превратить Прибалтику в важнейший плацдарм для наступления на основные жизненные центры России и использовать немецкие войска для подавления Советской власти не только в Прибалтике, но и во всей России.

После мартовского наступления в Курземе империалисты Германии и Антанты готовились к продолжению военных действий, для того чтобы захватить Ригу и задушить Советскую власть в Латвии.

24 апреля 1919 года командующий немецким 6-м резервным корпусом граф фон дер Гольц объявил, что все войска интервентов и белогвардейцев, находящиеся в Латвии, подчинены его верховному коман-

дованию независимо от их национальности. Тем самым и подразделения латышских белогвардейцев были подчинены фон дер Гольцу, который всем, кто попытался бы ему воспротивиться, пригрозил «железным кулаком», обещая прибегать к нему «безжалостно».

В апреле численность немецких войск в Курземе значительно возросла. Начальник информационного отдела военного министерства буржуазного временного правительства Латвии 27 апреля сообщал, что «из Германии ежедневно прибывают вагоны с соломой, под которой спрятано оружие».

В войсках интервентов в Курземе решающую роль по-прежнему играли немецкие части. Поэтому руководитель военной миссии США в Прибалтике подполковник Уорвик Грин в своем донесении американской делегации на Парижской мирной конференции 12 апреля подчеркивал, что «если бы не немцы, страна была бы быстро поглощена большевиками», а 28 апреля замещавший Грина полковник Солберт констатировал, что «вывод германских войск без замены какой-либо равноценной силой предаст страну большевизму».

Какую же оценку давал Грин в апреле 1919 года правительству Ульманиса?

Теперь нельзя уже было сказать, что это правительство «висит в воздухе», как это было в начале года. Империалисты неоднократно делали марионеточному правительству инъекции — не витаминами, конечно, а долларами, фунтами стерлингов и франками. И все же силенок у правительства было мало, совсем мало. «Нынешнее правительство де-факто Латвии, — писал Грин в упомянутом донесении 12 апреля, — крайне

слабо и не представляет латышского народа. Оно было бы немедленно свергнуто, если бы состоялись народные выборы. Оно является самочинным правительством, созданным партийными вождями и людьми, которые взяли дела в свои руки в Риге и впоследствии были изгнаны из города наступлением большевиков». Тем не менее Грин указывал, что с этим правительством все же «необходимо сноситься по всем вопросам», но оно «не должно быть признано в настоящее время».

А как глава военной миссии США оценивал «войска» буржуазного временного правительства?

В том же донесении Грина от 12 апреля говорилось: «Немцы занимают господствующее положение, так как они являются здесь силой, а латышская армия как военный фактор ничтожна». Правительство Ульманиса планировало объявить всеобщую мобилизацию, но командование немецких войск запретило делать это, боясь латышского народа, который верил большевистской партии и поддерживал Советскую власть. 28 апреля полковник Солберт предложил американской делегации на Парижской мирной конференции рассмотреть проект о «формировании латвийской национальной армии... по мере занятия территории Латвии в результате постепенной мобилизации». Но он тут же подчеркнул, что все это должно делаться под исключительным руководством Антанты, с тем чтобы она снабжала эту армию инструкторами, финансировала ее и обеспечивала продовольствием, обмундированием «и военными припасами всякого рода».

Подразделения латышских белогвардейцев по сравнению с немецкими войсками были снабжены

значительно хуже. Как говорил 12 мая 1919 года на заседании Народного совета Латвии Г. Земгал, случилось, что белолатышские солдаты даже зимой «выходили на занятия в деревянных башмаках без чулок». Когда председатель делегации буржуазной Латвии на Парижской мирной конференции Я. Чаксте узнал, что помощь латышским белогвардейцам начнет оказывать также Красный Крест США, у него от радости в глазах заблестели слезы. Чаксте надеялся, что американским оружием можно будет с большим успехом косить ряды красных латышских стрелков и быстрее подавить Советскую власть в Латвии.

На что же могло опираться правительство Ульманиса, не располагавшее ни своей армией, ни доверием народа? Единственно лишь на штыки иностранных интервентов да на жесточайший белый террор против народных масс. Буржуазное временное правительство, писал в своих мемуарах главнокомандующий войсками интервентов и белогвардейцев в Латвии немецкий генерал фон дер Гольц, «все больше и больше превращалось в диктатуру. Чем меньше сторонников было у него в народе, тем больше средств насилия необходимо было ему, чтобы удержаться, хотя оно и опиралось на немецкие штыки и Антанту».

В захваченных интервентами и белогвардейцами уездах Курземе ручьями текла кровь борцов за свободу. 12 февраля 1919 года правительство Ульманиса ввело военное положение, которое вступило в силу в Лиепае 14 февраля, а в остальных частях Курземе — 16 февраля. На его основе чинилась скорая и жестокая расправа над каждым честным человеком, сочувствующим Советской власти.

«Советы безземельных, — читаем мы в нелегальной

листовке, которую распространяли коммунисты в Лиепае в середине февраля, — арестовываются, их членов расстреливают дюжинами, сотни людей вынуждены скрываться в лесах, спасаясь от виселицы. Рабочие газеты запрещены. Юнкеры устраивают погромы и открывают огонь по мирным собраниям. Трупы, голод и ужас обозначают путь, которым идет кровавое правительство Валтера вместе с юнкерскими бандами». Рижская газета «Наша правда» сообщила 16 мая 1919 года, что в захваченных интервентами и белогвардейцами районах Курземе изданы распоряжения, согласно которым в течение 24 часов должно быть сдано все оружие и все советские работники и красноармейцы обязаны заявить о себе, а все семьи, скрывающие большевиков, подлежат расстрелу. «Затем начали работать карательные экспедиции, расстреливавшие каждого, работавшего в советском учреждении». В Добеле расстреляны две работницы, стиравшие красноармейцам белье; были случаи, когда не щадили членов семей советских работников. В Талсы за выдачу «каждого красного» обещана премия в размере 100 рублей. От расправы не спаслись даже лежавшие в больницах.

20 марта 1919 года правительство Ульманиса приняло решение создать в сельской местности специальную контрреволюционную военно-террористическую организацию *айзсаргов*, перед которой была поставлена задача стоять на страже классовых интересов сельской буржуазии. Отряд айзсаргов должен был быть создан в каждой волости, в него входили «все живущие в волости землевладельцы, арендаторы хуторов и имений, промышленники и торговцы». Айзсаргам предоставлялись большие права: они могли

«арестовывать уличенных на месте преступления, а равно арестовывать на время сомнительных и подозрительных», действуя «на правах полицейской власти» во всех случаях, когда это оказалось бы необходимым, и при отсутствии на месте представителей полиции. Айзсаргам разрешалось также применять оружие.

В борьбе против латышского народа правительство наймитов империализма использовало и *демагогию*. 27 февраля 1919 года правительство Ульманиса издало «распоряжение об обеспечении безземельных земель». Целью этого документа было стимулировать запись добровольцев в белолатышскую армию, поэтому в нем указывалось, что землю получают прежде всего те, кто примет участие в борьбе с большевиками.

Буржуазное временное правительство, которое вначале опиралось почти исключительно на штыки немецких оккупантов, с каждым днем оказывалось теперь во все большей зависимости от империалистов союзных держав.

8 апреля 1919 года руководитель американской миссии в Прибалтике Грин, вживаясь в роль хозяина, потребовал, чтобы буржуазное временное правительство Латвии представило члену миссии Р. Хейлу сведения о конституции буржуазной Латвии и ее истории, о лесах и железных дорогах Латвии и об изданных правительством законах и распоряжениях. 12 апреля Грин сообщал американской делегации на Парижской мирной конференции, что его миссия располагает списком, где перечисляется сырье, которое Соединенным Штатам Америки надлежало бы немедленно получить от Латвии. Миллион долларов, который следует предоставить правительству Ульманиса,

писал Грин, «должен быть обеспечен строевым лесом» из государственных лесов Латвии, поэтому в Латвию надо без промедления послать финансового эксперта, который изучил бы этот вопрос.

«...американские миллиардеры, эти современные рабовладельцы, — писал Ленин 20 августа 1918 года в «Письме американским рабочим», — открыли особенно трагическую страницу в кровавой истории кровавого империализма...» (Полное собр. соч., т. 37, стр. 48). Эту кровавую историю рабовладельцы США при пособничестве предателей народа — Ульманиса и прочих — намеревались писать и в Латвии. Американская военная миссия вскоре стала хозяином положения в Латвии.

Г. Земгал, склонившись в поясном поклоне перед империалистами союзных держав, уверяя их в безграничной преданности, говорил на заседании Народного совета Латвии 12 мая 1919 года: «В непродолжительной жизни нашего государства уже заметны были положительные достижения. Было завоевано большое доверие у союзников, установлены более тесные связи с ними, получена помощь от них, как военная, так и в смысле снабжения народа; существовали наивернейшие шансы на то, что эта поддержка будет увеличиваться и что благодаря ей государственная идея упрочится... *Мы знаем, что судьба Латвии — в их руках, мы умеем ценить их благосклонное отношение к нам. Весь народ взирает на них с надеждой, что они не покинут нас в этот трудный момент и что стремления и надежды измученной, разоренной страны — Латвии найдут поддержку под их могучим крылом. Такого рода надежды они вселяли в нас до сих пор, и за это им — благодарность всей страны*»

(курсив наш. — В. М.) (Latvijas Tautas padoме, 1920, стр. 72).

Комментарии здесь излишни.

НАРОД НИКОГДА НЕ ЗАБУДЕТ ЭТОГО...

В апреле 1919 года Красная Армия отразила наступление Колчака на Восточном фронте. Желая предоставить Колчаку передышку, Антанта потребовала, чтобы интервенты и белогвардейцы перешли в наступление на других фронтах, в том числе и в Латвии.

После того как наступление интервентов и белогвардейцев в Курземе в марте 1919 года приостановилось, фронт на непродолжительное время стабилизировался на линии Бауска—Елгава—Слока. Враг стоял уже у ворот красной Риги.

Прекращение наступления вызвало большое недовольство как в кругах империалистов США, Англии и Франции, так и в лагере латышской буржуазии. Буржуазное временное правительство умоляло немецкого генерала фон дер Гольца возобновить наступление. 22 марта Ульманис явился к Гольцу с просьбой, чтобы немецкие войска заняли Ригу. Гольц обещал выполнить его просьбу, но потребовал, чтобы временное правительство урегулировало этот вопрос дипломатическим путем с правительством Германии и чтобы оно гарантировало, что заслуги немецких войск будут открыто признаны в печати и официальных изданиях временного правительства.

На фронт прибыли руководитель военной миссии США Грин, английский майор Кинен, министр обо-

роны правительства Ульманиса Я. Залит и другие. При обсуждении планов захвата Риги командующий ландесвером немецкий майор Флетчер подчеркнул, что армия интервентов и белогвардейцев должна быть дислоцирована так, чтобы при каждой воинской части были также подразделения латышских белогвардейцев, так как в противном случае «латышская общественность подумает, что заняли Ригу одни немцы».

Для захвата Риги из Германии были присланы специальные ударные части. Враг располагал на Курземском фронте значительным превосходством в силах. Армия же Советской Латвии не имела резервов, так как ей приходилось сражаться также на севере Видземе против эстонских и финских белогвардейских формирований и на Паневежском и Свенцяжском направлениях (Северная Литва) против белолитовских частей, входивших в состав немецкого 3-го резервного корпуса, и против белопольских легионов. В Риге частей армии Советской Латвии не было, почти все, кто мог носить оружие, были мобилизованы и находились на фронте.

22 мая 1919 года интервенты и белогвардейцы, используя свое значительное военное превосходство, прорвали фронт под Ригой, ворвались в город и «вытеснили нас из сердца Латвии», как писало Советское правительство Латвии в своем воззвании «Трудовому народу Латвии!».

Как раз в тот день, когда пала красная Рига, Германии предстояло подписать мир со странами Антанты. Германия обещала захватить Ригу, если срок подписания мирного договора будет отложен.

Когда о падении Риги сообщили Ленину, это,

писал Петр Стучка, «произвело такое же впечатление, как гром с ясного неба». Но, добавлял Стучка, «революционерам не разрешается плакать и скорбеть».

В планы интервентов входило затянуть петлю на шею окруженной уже с трех сторон армии Советской Латвии и уничтожить ее. Для того чтобы избежать полного окружения, армия Советской Латвии после падения Риги оставила также и Видземе и с боями отошла в Латгалию, где заняла новые позиции.

Имя Риги завоевало прочное место в истории революционного движения. После бурь 1905 года Ленин поставил пролетариат Риги на один уровень с революционными рабочими Петербурга и Варшавы. Не однажды улицы Риги обагрятся кровью рабочих. Достаточно вспомнить хотя бы «Рижский бунт» 1899 года и 13 января 1905 года, когда набережная Даугавы у железнодорожного моста была усеяна трупами рабочих. Но все это бледнеет перед теми неописуемыми ужасами, которые древней революционной Риге пришлось пережить после того, как в город 22 мая 1919 года ворвались иностранные интервенты и доморощенные белогвардейцы.

Уже путь воинства фон дер Гольца от Лиепай до Риги был отмечен трупами. Командир одной из немецких частей Плеве писал: «В плен не брали никого. Большевики, попадавшие в наши руки, были обречены на смерть». Подробнее о зверствах, которые чинили войска фон дер Гольца, рассказывает другой офицер, Эрнст фон Заломон: «Мы стреляли в толпы людей, охваченные смятением, неистовствовали, снова стреляли и охотились. Мы гоняли латышей, как зайцев по полю, открывали огонь по каждому дому, взрывали каждый мост, валили каждый

Комиссар государственного контроля ССРЛ Аугуст Сукут, убитый в мае 1919 года немецкими интервентами и латышскими белогвардейцами

телеграфный столб. Мы швыряли трупы в колодцы и вслед за ними бросали ручные гранаты. Мы убивали все, что попадалось нам под руки, мы сжигали все, что могло гореть. Там, где мы проходили, стонала земля. Там, где мы бушевали, на месте домов

оставались груды развалин. Громадный столб дыма обозначал наш путь».

Читая эти строки, напоминающие нам о злодеяниях интервентов из США во Вьетнаме и о преступлениях немецких фашистов и латышских буржуазных националистов против латышского народа в период Великой Отечественной войны, мы не имеем права забывать, что в состав полчищ фон дер Гольца входили и подразделения латышских белогвардейцев, которыми командовал полковник Я. Балодис, а также роты, набранные политическим авантюристом Бруно Калнынем, и что не кто иной, как Ульманис, выполняя предначертания Антанты, молил Гольца поспешить с занятием Риги. И никакого значения не имеет то обстоятельство, что бывший каздангский пастор Андриев Ниедра, политические брошюры которого в 1905 году, как иронизировал Я. Янсон-Браун, продавали не поштучно, а мешками, в результате грызни империалистов между собой на короткое время оттеснил со своим правительством со сцены правительство Ульманиса.

После вторжения в Ригу банд немецкого генерала фон дер Гольца город оказался погруженным в ночь кошмаров. Все, что здесь происходило, можно было обозначить одним словом — кровь. Кровь рабочих струилась по улицам, она текла во дворах домов, в подвалах и на чердаках. Пощады не было ни младенцам, ни женщинам, ни старикам. В своей звериной ненависти «победители» попросту закалывали или убивали прикладами рабочих и советских служащих. В течение нескольких дней не разрешали убирать трупы с улиц. За короткий срок в Риге было умерщвлено до 4500 человек.

Руководитель Видиенской организации КПЛ Эмма Плуме-Ветра, павшая в августе 1919 года от рук латышских буржуазных националистов

Комендантом Риги был назначен немецкий майор Флетчер, командующий ландесвером, который приказал расстреливать каждого, кто был заподозрен в том, что поддерживал Советскую власть или же сочувствовал ей. 27 мая 1919 года Флетчер издал

распоряжение, в котором потребовал, чтобы население в течение 12 часов сдало все имеющееся у него оружие, чтобы в течение двух суток зарегистрировались все лица, служившие в органах Советской власти, чтобы немедленно были зарегистрированы все телефоны. За неисполнение грозил расстрел. Расстрел был обещан всякому, кто будет скрывать кого-либо или же покажется на улице с 6 часов вечера до 6 часов утра. В доме, из которого раздастся выстрел, согласно распоряжению расстрелу подлежали все жители.

Первые десять дней расстреливали и резали всюду, где придется. Из рижской Первой городской больницы вывели всех больных коммунистов и пристрелили тут же, на краю лужайки. Во Второй больнице расстреляли 40 больных и больничных служащих. В лавках рабочего потребительского общества «Продуктс» перестреляли всех служащих, которые не успели укрыться.

По прошествии нескольких дней трупы с улиц убрали. Их складывали в телеги и везли на кладбище Матиса, где сбрасывали у кладбищенской стены. Там они валялись непогребенными еще четыре дня, доступные для зевак, желавших поглазеть на них.

В середине июня умерщвление трудящихся стало проходить «организованно»: были созданы военно-полевые суды, в состав которых входило по два немца, два латыша и одному представителю третьей национальности. Масштабы истребления людей не сократились, но теперь трупы расстрелянных больше не выставляли для публичного обозрения, а сразу же после казни зарывали. Расстрелы происходили преимущественно

днем, причем обреченным приходилось самим вырыть себе могилу. Количество убитых можно было определить только по размерам ям. Их заполняли трупами до краев, так что зачастую сильный ветер обнажал останки жертв.

«Создается впечатление, — говорилось в сообщении ЦК КПЛ «Белый террор в Риге», опубликованном в газете «Циня» 14 июля 1919 года, — что взбесившаяся буржуазия задумала уничтожить латышский рабочий класс. Нет такого места, где не валялись бы трупы, нет семьи, которая не оплакивала бы жертв убийств».

«Слуга божий» Андриев Ниедра цинично заметил, что, судя по одежде, все убитые происходили из рабочей среды, Ульманис же об истреблении тысяч рабочих Риги выразился так: «Хорошая работа».

В середине июня в тюрьмах Риги еще томилось 4000 политических заключенных. В некоторых камерах было заперто по 100—150 человек. Заключенные голодали. Они настолько ослабели и были так измучены, что у них даже не хватало сил дотянуться до окна камеры. Большая часть их была обречена на смерть. По данным немецкой печати, в Рижской центральной тюрьме 5 июня было расстреляно 442 человека, 6 июня — 140, 8 июня — 169, 9 июня — 300 и т. д.

Пока интервенты, немецкие бароны и латышские буржуазные националисты расправлялись с трудящимися в Курземе и Риге, в северной части Видземе «хозяйничала» так называемая «северная армия», которой командовал полковник Земитан. В Нитаурс этой армией было расстреляно более 100 человек, в Мазсалаце — 40, но особенно разнузданным разгул карателей был в окрестностях Цесиса и Валмиеры.

В одной лишь Валмиере с конца мая по август 1919 года было расстреляно более 1200 трудящихся. Земитан лично подписал свыше 200 смертных приговоров. Арестованные подвергались бесчеловечному обращению. В одном из имений Валмиерского уезда были схвачены и избиты до потери сознания почти все батраки. Уездные тюрьмы были переполнены заключенными, которые месяцами ожидали следствия. Были созданы концентрационные лагеря, практиковались убийства задержанных «при попытке к бегству».

Жертвами зверств интервентов и белого террора, организованного «собственной» буржуазией, пали многие, очень многие самоотверженные борцы за дело рабочего класса. В мае 1919 года немецкие интервенты умертвили видного деятеля КПЛ, комиссара государственного контроля Советского правительства Латвии Аугуста Сукута. В августе латышские буржуазные националисты убили руководителя Видиенской организации КПЛ Эмму Плуме и члена ЦК Союза трудовой молодежи КПЛ Яна Винтена. В декабре пули белогвардейцев прервали жизнь члена ЦК КПЛ Яна Озола-Зиедониса и группы валмиерских комсомольцев. Эти злодеяния никогда не сотрутся в памяти народа.

Латвия превратилась в настоящее кладбище коммунаров. Общее число погибших борцов за свободу составило около 15 000. Вспоминая 1919 год, Петр Стучка в связи с празднованием 20-летнего юбилея КПЛ в 1924 году писал: «Партия держалась героически и за свой большой героизм и небольшие ошибки понесла жертвы, каких не понесла, если исходить из пропорции, ни одна партия в мире».

Член ЦК КПЛ Ян Озол-Зиедонис, казненный в декабре 1919 года вместе с группой валмиерских комсомольцев

Латышская буржуазия установила свою диктатуру на костях умерщвленных рабочих. Но и после этого она не чувствовала себя в безопасности. В 1923 году, когда в Германии снова поднялась революционная волна и латышской буржуазии грозило оказаться

между двумя очагами революции, З. Мейеровиц в беседе с корреспондентом газеты «Фоссише цейтунг» выразился относительно кровавой бани, устроенной рабочим в Риге в 1919 году: «Те, кого мы хватали, получали от нас пулю, и трупы должны были три дня лежать на улице, никто не смел к ним прикоснуться... Но тогда было расстреляно намного меньше людей, чем следовало!»

Цитируя эти слова З. Мейеровица, Петр Стучка добавил: «Эти слова героя танц-класса стоят того, чтобы их помнили».

Латышский народ никогда не забудет: приход к власти доморощенной буржуазии с помощью штыков иностранных интервентов обошелся Латвии в 1919 году в более чем 15 000 трупов коммунистов, беспартийных рабочих, безземельных, беднейших крестьян и середняков, прогрессивных интеллигентов.

Всюду лилась кровь борцов за свободу, а латышские буржуазные националисты продавали Латвию и латышский народ чужеземным поработителям.

Остановимся еще на нескольких исторических документах, которые свидетельствуют о полной зависимости правительства Ульманиса от иностранных империалистов и относятся ко времени после падения красной Риги — ко второй половине 1919 года.

Стремясь поскорее подавить Советскую власть в Латвии, империалисты США, Англии и Франции настояли на проведении реорганизации временного правительства Ульманиса. Они хотели добиться того, чтобы временное правительство представляло все контрреволюционные элементы в Латвии. Поскольку же в правительстве не было представителей немецкого дворянства и еврейской буржуазии, союзники

потребовали произвести перемены в составе правительства.

И им оказалось достаточно шевельнуть пальцем, чтобы все было сделано.

В протоколе заседания правительства Ульманиса от 30 июня 1919 года говорится: «Председатель Народного совета Чаксте сообщает, что союзники выразили определенное пожелание, чтобы реконструкция кабинета была осуществлена в Лиепаве и еще сегодня; это следовало бы выполнить, и он предлагает также кабинету незамедлительно подать в отставку, для того чтобы можно было составить новый».

После переговоров, длившихся две недели и происходивших под руководством американского подполковника Даули, английского генерала Гофа и английского подполковника Таллентса, новое правительство было сформировано в Риге, куда Ульманис прибыл из Лиепавы 8 июля 1919 года.

На переходный период, пока министерские кресла пустовали, власть в Риге взяли в свои руки союзнические губернаторы: военный — американский подполковник Даули и гражданский — представитель военной миссии союзников подполковник Таллентс. В Лиепаве же начальником гарнизона был назначен английский подполковник Роуэн Робинсон.

На заседании Народного совета Латвии 13 июля 1919 года Чаксте объявил, что «господин президент кабинета министров» представил документ об уходе правительства. Ульманис пояснил, что решение об отставке правительства принято в Лиепаве президиумом Народного совета Латвии и бывшими там членами Народного совета и соответствует их намерениям, так как «находится в тесной связи с пожела-

нием союзников». Свое повторное избрание «министром-президентом» Ульманис истолковал так, что «проводившаяся до сих пор политика» временного правительства, «направленная на теснейшее сотрудничество с союзниками, встретила одобрение».

Руководитель военной миссии США в Прибалтике Грин понимал необходимость отставки буржуазного временного правительства по-своему. Оценивая его в своем донесении американской делегации на Парижской мирной конференции как «самозванное», Грин писал, что оно оказалось не в состоянии добиться более или менее значительной помощи Антанты «и поэтому не смогло завоевать доверие народа». Таким образом, по Грину получается, что в случае увеличения помощи Антанты правительству Ульманиса народ окажет последнему доверие. Вот уж действительно подлинно империалистический «образ мыслей».

В какую сторону ни глянь, в «независимой» Латвии всюду бросалась в глаза зависимость от иностранных империалистов.

По требованию союзников правительство Ульманиса оказалось вышвырнутым из министерских кресел. Но по их же указанию оно снова было водружено в эти кресла.

Не кто иной, как американские, английские и французские империалисты, после того как «кабинет» чернорясника Андриева Ниедры, пользовавшийся поддержкой немецких интервентов, оттеснил «кабинет» Ульманиса на задворки, снова извлекли Ульманиса на свет божий.

И Ульманис не знал, как отблагодарить их за это, не жалел земных поклонов.

Похороны революционных борцов, расстрелянных в Валмиере в декабре 1919 года (июль 1920 г.)

Послушаем, что говорил Ульманис и как рассуждал Чаксте.

В протоколе заседания временного правительства от 28 июня 1919 года мы находим следующие слова: «Министр-президент выражает свое удовлетворение по поводу того, что временное правительство Латвии в состоянии возобновить свою деятельность, он обращается со словами благодарности к союзникам и Эстонии и Литве за оказанную правительству Латвии сильную поддержку».

На пленарном заседании Народного совета Латвии 13 июля в Риге Чаксте заявил: «Но особенно в этот момент, особенно в этот миг мы должны подчеркнуть, что если наш кабинет вышел из неловкого положения, если Народный совет имеет возможность работать здесь и если нас снабжают продовольствием, военными материалами и всякого рода иной помощью, то благодарность за это... полагается правительствам союзных великих держав — Англии, Франции и Северной Америки, представители которых находятся в этом зале».

Империалисты запускали свои длинные руки во все ведомства «независимой» Латвии. При попустительстве ульманисовцев они проникали даже на важные посты в армии буржуазной Латвии. Так, приказом министра обороны Я. Залита от 30 июня 1919 года «главным начальником обучения и снабжения» армии был назначен английский полковник Гров.

Латышские националисты изощрялись в низкоклонстве перед своими хозяевами, а те по-прежнему смотрели на них с презрительной усмешкой.

Вот что сообщал Ульманису 9 августа 1919 года Я. Сескис с Парижской мирной конференции: во всей нашей дипломатии и политике есть один недостаток — мы вынуждены обращаться только к Антанте и не можем обратиться к какой-либо другой власти и торговаться с ней. «Таким образом, — писал Сескис, — наша политика сводится к попыткам упротить и уговорить. Это очень хорошо известно Антанте, во всяком случае на Мирной конференции, и поэтому она относится к малым народам с крайним равнодушием и неуважением».

Чрезвычайно большую тревогу в правительстве Ульманиса вызывало то обстоятельство, что Красная Армия, после падения красной Риги отступившая в Латгалию, продолжала там находиться: положение на фронте могло измениться и не был исключен переход Красной Армии в наступление. Поэтому буржуазное временное правительство в страхе било в набат и стучалось в двери союзников, вымаливая помощь.

Одно из первых мест среди специалистов по части шумовых эффектов занимал министр иностранных дел З. Мейеровиц. 12 августа 1919 года он телеграфировал в Париж, Лондон и Вашингтон, прося без промедления предоставить займы буржуазной Латвии денежные средства, оружие, продовольствие и обмундирование. «Я прошу, — говорилось в телеграмме, — немедленной помощи, иначе может стать слишком поздно». А глава американской военной миссии Грин не мог сдержать своей тревоги по поводу того, что «между тем проходит лето и с ним исчезает возможность окончательно очистить Прибалтийские провинции от большевизма, захватить Петроград» и организовать в этом районе широкое наступление против Советской России. Поэтому Грин требовал усилить помощь контрреволюционным силам в Прибалтике.

Правительство Ульманиса получило от союзников весьма значительные суммы денег. В Ригу и Лиепāju прибыл целый ряд пароходов с оружием и другими военными материалами. Но за предоставленную помощь надо было платить. Буржуазное временное правительство заложило железные дороги Латвии и разбазаривало природное богатство Латвии — леса.

Особенный интерес союзники проявляли ко льну, который, как выразился Чаксте на заседании Народного совета Латвии 18 августа 1919 года, «оказался лучшим и наиболее выгодным средством для осуществления торговых связей с границей». 27 августа делегация буржуазной Латвии на Парижской мирной конференции сообщала министру иностранных дел З. Мейеровицу, что иностранные фирмы спешат действовать, «чтобы экономически захватить Латвию в свои лапы».

Но все, чем могло правительство Ульманиса оплатить полученную им большую военную помощь, было не более чем мелочью. Поэтому военные долги Латвии все возрастали, достигая астрономических цифр. По сведениям специального корреспондента газеты «Таймс», в мае 1922 года внешний долг буржуазной Латвии составлял: Соединенным Штатам Америки — 5 000 000 долларов (1 123 000 фунтов стерлингов), Англии — 20 000 фунтов стерлингов, Франции — 2 240 000 франков (46 000 фунтов стерлингов), Норвегии — 6 700 000 крон (372 000 фунтов стерлингов) и частным банкам — 775 000 фунтов стерлингов.

Вот эти миллионы долларов, франков, фунтов стерлингов и крон вкуче с войсками немецких интервентов и объясняют нам, почему правительству предателей латышского народа удалось в 1919 году удержаться на поверхности и потопить Советскую власть в Латвии в крови трудящихся.

Советская власть в Латвии временно пала, но сознательный авангард латышского трудового народа — героическая Коммунистическая партия Латвии — хотя и понес огромные потери, но не был разгромлен.

Решительный голос партии, звучавший из глубокого подполья, звал трудящихся к неустанной борьбе за восстановление Советской власти в Латвии.

*

В ожесточенных классовых схватках, происходивших в Латвии в период Октябрьской революции, как в зеркале, отразился основной урок истории латышского народа.

Каков же этот урок?

В битвах социалистической революции в Латвии противостояли друг другу два лагеря, представлявшие враждебные классы: на одной стороне были эксплуататоры — буржуазия и немецкие помещики, на другой — трудящиеся, т. е. рабочие, безземельные и беднейшие крестьяне, руководимые партией большевиков.

Лагерь эксплуататоров в Латвии до Октябрьской революции выступал в тесном союзе со злейшим врагом латышского народа — царским самодержавием России. Когда же победа Октября обеспечила ликвидацию царизма и низвергла власть капитала, латышская буржуазия пошла в услужение к другим поработителям латышского народа — покорно улеглась под сапог германского кайзера и продалась американским, английским и французским империалистам. Эксплуататоры принесли и могли принести латышскому народу лишь новый гнет и новые страдания.

В то же время латышский революционный пролетариат, за которым следовали широкие массы безземельных и беднейших крестьян, начиная с первых

шагов рабочего движения в Латвии был тесными узами связан с многонациональным пролетариатом России. Как неразлучные товарищи по оружию они выступали и в исторические дни Октября. Они знали, что только победа социалистической революции освободит народные массы от национального и социального гнета. Латышский революционный пролетариат в ходе длительной и тяжелой борьбы неоднократно убеждался, что его успехи в борьбе за освобождение трудящихся от ига помещиков и капиталистов зависят от наличия тесных братских уз, связывающих его с пролетариатом всей России.

Великий Октябрь ясно доказал, что трудящиеся Латвии могли вырваться из-под ига помещиков и капиталистов, лишь идя в бой плечом к плечу с трудящимися всей России под руководством партии Ленина.

Вспомним годы Великой Отечественной войны. Рейхсфюрер СС фашистской Германии Гиммлер в специальной директиве поставил задачу добиться, «чтобы на востоке жили только люди с истинно немецкой, германской кровью». Эта директива означала смертный приговор латышам как народу.

Как наш народ сумел выстоять, как он приобрел возможность быть счастливым и свободным, смело смотреть вперед, в свое еще более светлое и радостное будущее?

Латышский народ спасла дружба советских народов, выросшая и укрепившаяся на основе пролетарского интернационализма.

Свою завоеванную кровью свободу, независимость и счастье латышский народ может сохранить и упрочить, коммунизм он может построить только в брат-

ском союзе со всеми советскими народами, и в первую очередь с русским народом.

Таков основной урок истории латышского народа, вытекающий из анализа исторических событий 1917—1919 годов.

СОДЕРЖАНИЕ

Порывы октябрьской бури	7
Смертельные враги социалистической революции . .	10
Как латышские буржуазные националисты стали наемниками английских, французских и амери- канских империалистов	28
Из объятий русского царя под пяту германского кайзера	36
Акт из комедии в театре марионеток	50
Латышский народ презирал и ненавидел правитель- ство националистической буржуазии	60
Обратив против латышского народа штыки немецких оккупантов и английские пушки	73
Над Ригой алеет красное знамя — «черные вороны» бегут	86
Социалистическая Советская Республика Латвии и ее враги	98
Народ никогда не забудет этого	114

В. Мишке

ЭТОГО НЕЛЬЗЯ ЗАБЫВАТЬ

Перевод с латышского

Редактор Э. Матвеева. Худ. редактор В. Грант. Оформление художника К. Голдманиса. Техн. редактор И. Клотынь. Корректор Л. Калашников.

Сдано в набор 26 августа 1968 г. Подписано к печати 27 ноября 1968 г. Типографская бумага № 1, 60 г, формат 70×108/32. 4,25 физ. печ. л.; 5,95 усл. печ. л.; 5,27 уч. изд. л. Тираж 5000 экз. Цена 36 коп. Издательство «Лиесма», г. Рига, бульвар Падомью, 24. Изд. зак. № 22236/Мр-131. Отпечатано в типографии № 3 Управления полиграфической промышленности Комитета по печати при Совете Министров Латвийской ССР, г. Рига, ул. Ленина, 137/139.

Заказ № 442.

9(L)+9(S)₂